

*Рай без любви
называется адом*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

*Песчаный
рай*

The background of the lower half of the poster is a photograph of a desert landscape. In the foreground, a gnarled, dead tree trunk lies on the dry, cracked earth. The middle ground shows a dirt road leading towards colorful, eroded hills under a blue sky with light clouds.

Татьяна Трoнина

Песчаный рай

«ЭКСМО»

2012

Трoнина Т. М.

Песчаный рай / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-58569-4

Дина жила словно в раю: страстно влюбленный муж, уютный дом, хорошая репутация – что еще нужно женщине?.. Но рай этот оказался непрочным, он рассыпался песком при малейшем дуновении ветра. Муж обманул и предал, дом не дал ожидаемой защиты, а репутация оказалась безнадежно погублена. Теперь Дине придется выстраивать жизнь заново. Вот только прежде нужно сбежать из крошечного ада, возникшего на руинах бывшего рая, а это не так-то просто.

ISBN 978-5-699-58569-4

© Трoнина Т. М., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Тронина

Песчаный рай

Больше других цветов Дина любила пионы.

Они росли в ее саду в изобилии – розовые, фиолетовые, белые, сиренево-лиловые, малиновые... Всякие! Чтобы взгляд не уставал радоваться.

Вот и это утро Дина начала с поклонения своим цветам. Вышла в сад, присела на корточки перед кустами пионов – огромные соцветия клонились к земле от собственной тяжести... Женщина брала их в ладони, поднимала к лицу, вдыхала глубоко, часто – пока голова не начинала кружиться. Какой нежный, легкий и в то же время густой аромат!

Она ловила дыхание цветов, трогала прохладные шелковистые лепестки кончиками пальцев.

Иногда Дина чуть сильнее сжимала пион в ладонях, не зная, как еще выразить свое восхищение. Лепестки тех растений, которые уже начинали отцветать, при этом сыпались в траву, но ничего, ничего страшного – от этого изобилия не убудет...

За грядой пионов росли лилии. А вон синева-фиолетовые стрелки дельфиниума задорно тянутся к небу! В саду Дины много цветов, самых разных, причудливых и простых.

А дальше, за клумбами – крошечный рукотворный пруд, по берегам густо заросший болотной травой. Вдоволь налюбовавшись пионами, Дина отправилась туда. Села на низенькую деревянную лавочку, выбеленную дождями.

Вода в прудике отражала облака, края которых набухали малиновым цветом – от поднимающегося над горизонтом солнца. Осока клонилась под легким ветром и казалась подсвеченной изнутри – такое прозрачное, зеленовато-желтое сияние исходило от нее. Над осокой носились стрекозы, временами вцепляясь тонкими лапками в ее стебли, а потом порывы ветра вновь подбрасывали насекомых вверх...

На крыльцо из дома вышла девочка лет шести – тоненькая, с растрепанными после сна темными длинными волосами, с хорошеньким круглым личиком, с ямочкой на подбородке. На девочке была ночная рубашка до пят.

– Марьяша! – позвала Дина. – Я здесь.

Девочка сбежала по ступеням, кинулась к матери.

– Ты моя хорошая... ты моя красавица... – Дина принялась обнимать, гладить девочку, прижавшуюся к ее боку, пальцами осторожно распутывала волосы малышки. Опять эта радость прикосновения – к своему самому любимому, дорогому. – Здравствуй!

С утра, после сна, Марьяна обычно была молчаливой, тихой, словно прислушивалась к грядущему дню – что тот ей обещал?..

– Осенью в школу. Ты у меня такая большая... Поедем с папой в магазин, купим Марьяночке форму, купим рюкзак, купим тетради. Все-все купим нашей девочке. Ты хочешь в школу?

Марьяна энергично закивала, продолжая прижиматься к матери.

– Умница. Считать мы умеем, буквы знаем... Самая-самая умная у нас с папой девочка!

Марьяна опять закивала. Дина сжала дочь в объятиях чуть сильнее, потянулась губами к макушке Марьяны – чтобы поцеловать. «Ты – мой самый любимый цветочек. Ты – мое сокровище...» – подумала Дина, в груди которой плавилось сердце от неистовой, неукротимой нежности. В глазах у Дины защипало. И тут девочка в ее руках неожиданно принялась таять, исчезать. И сад – с цветами, прудом и стрекозами – тоже куда-то вдруг пропал.

...Дина проснулась, задыхаясь от слез. Сердце билось, словно сумасшедшее. Сон был так реален, что действительность теперь показалась женщине сном.

Она приподнялась на локте, огляделась. Комната с белыми стенами, полутьма – на окнах тяжелые шторы. Монотонно громыхает кондиционер над дверью, прогоняя сквозь себя воздух.

Нет, вот это все – и есть ее жизнь. Ее *настоящая* жизнь.

«Хорошо, что Руслана нет!» – вытирая ладонью слезы, подумала Дина. Руслан не любил, когда она плакала, он вообще физически не выносил ни женских слез, ни женских истерик, ни женских жалоб, как и большинство мужчин.

Она накинула халат, по коридору прошла к входной двери.

После полутьмы и прохлады дома Дину ослепил солнечный свет, такой резкий, что окружающий пейзаж в первые мгновения показался просто белым листом бумаги. И лишь потом вырисовался песчаный пейзаж с кустиками саксаула, блестящими на солнце камнями. Вон и птица какая-то висит над горизонтом... Коршун? Охотится на какого-нибудь суслика... Жарко сегодня будет или очень жарко? Дина подняла лицо навстречу сухому ветру и почувствовала, как отголоски ночной прохлады коснулись ее щек. Наверное, день будет вполне нормальным. То есть просто жарким.

Ветер, как всегда сильный в этих местах, окончательно развеял обрывки сна.

Тутовое дерево в углу двора, обнесенного сеткой, – чтобы чужие козы не забредали. Кустики полыни растут в тени тутовника...

Дина повертела головой. Только песок и солнце. Их дом стоял на самом краю крошечного городка, а дальше, в нескольких километрах, уже шел край Российской Федерации. Там располагалась воинская часть, в которой служил муж. И город, в котором жила Дина, кстати, так и назывался – Серхет, что в переводе значило – граница... Из города в районный центр выбраться – целая проблема. Раз в неделю ходил рейсовый автобус. Всегда давка, теснота... Часов шесть тряски по пыльной дороге, под раскаленным солнцем. Можно и на попутке выбраться. Иногда, в редких, чрезвычайных случаях – вызывали из центра вертолет. Когда серьезно заболел кто-либо, а возможности спасти человека в местной больнице – не было. (Например, требовалась совсем уж редкая операция.)

Приложив ладонь ко лбу, Дина минут десять вглядывалась в горизонт, пока не увидела приближающееся облачко пыли, за которым угадывался силуэт машины. Отлично. Он едет!

Машина майора Руслана Сергеева – внедорожник американского производства – была предметом всеобщей зависти. Муж купил ее по случаю, почти за бесценок (с одной стороны – большая удача, с другой – в приграничной зоне подобные случаи были не такой уж и редкостью). Главное – Руслан теперь никак не мог нарадоваться своему приобретению... Внедорожник – очень нужная вещь в здешних местах, где почти нет хороших дорог.

... Возвращения мужа Дина всегда ждала с нетерпением, даже если тот уезжал на дежурство ненадолго, всего лишь на ночь, вот как сейчас. Мало ли что... На границе то и дело всякие инциденты случаются!

Женщина вернулась в дом, быстро приготовила омлет на двоих и кофе – себе.

Хлопнула дверь.

– Привет! – на кухню вошел Руслан, положил фуражку на холодильник.

– Привет... Все в порядке? – Дина чмокнула его в щеку, поставила на стол тарелку.

Ответа она так и не дождалась. – Завтракай и ложись.

– Ты уходишь?

– Да.

– Блин, что за жизнь...

– Руслан, если я перестану ходить на работу, я совсем с ума сойду! – не выдержала, пожаловалась она.

– Начинается.

– Все, не буду, – она села рядом, обняла его. Руслан похлопал жену по плечу, потом аккуратно отстранил ее и взялся за вилку.

– Как спала?

– Нормально. Руслан, у вас все в порядке? – переспросила Дина.

– Да все хорошо, чего ты переживаешь... Крестьян с той стороны гоняли – пасут где ни попадя своих овец! Датчики слежения то и дело срабатывали... Что еще? Ефрейтора одного фаланга цапнула. Вроде крепкий парень, а разнылся – помираю, говорит!

– Фаланги же не ядовитые! – удивилась Дина.

– И я о том. Просился к вам, в больницу, но я не пустил. И что? Через три часа парень сам о том укусе забыл! – Руслан в два приема доел омлет, отодвинул тарелку. – Молодые, они бестолковые, не знают, чего на самом деле бояться надо...

Дина машинально кивнула, глядя на мужа. Руслану было тридцать семь (на шесть лет старше ее), и он вдруг показался ей сейчас – нет, не старым, но уже каким-то слишком мудрым, всезнающим. Слишком опытным. Ни в чем не сомневающимся. А Дина была – как травинка на ветру, ее постоянно мотало из стороны в сторону, она всегда сомневалась во всем, часто переживала. В ней не было цельности, законченности... Нет, она не травинка даже, а – вода. Течет непонятно куда, принимая любую форму...

Волна и камень.

У Руслана был твердый, очень выразительный подбородок с ямочкой посередине. А еще – ясные светло-серые глаза, которые всегда смотрели цепко, пристально, прямо... Ни одна мелочь не ускользала от этих глаз.

Не высокий и не низкий, скорее роста чуть выше среднего, очень развитый плечевой пояс... В общем, красавец.

– Руслан...

– Что?

– Ты меня любишь?

– Я тебя люблю, – быстро, не задумываясь, ответил муж и продолжил без всякого перехода: – Не забудь, завтра у Бати день рождения.

«Батей» за глаза называли начальника гарнизона.

– Я помню. Мне Лагутенко вчера звонил. Мы с ним сюрприз Бате решили подготовить.

– Сюрприз? Ох, не люблю я этих сюрпризов... – поморщился Руслан. – Ладно, потом разберусь с тобой. Все, пошел спать. Да! – он вдруг остановился в дверях, повернулся. – Ты вот меня теребишь постоянно – «как дела, как дела?», а сама-то – в курсе?

– О чем ты?

– Ралли через нас пройдет.

– Какое ралли?

– Ралли «Бархатный путь». Эх ты, отсталая... – засмеялся Руслан и ушел спать.

Дина вымыла посуду, потом начала собираться на работу. На душе кошки скребли. Зачем Руслан назвал ее отсталой? Нет, он не хотел ее обидеть, но... все равно неприятно. Нет, не потому, что назвал «отсталой», но это постоянное, раздраженно-снисходительное пренебрежение с его стороны, как будто она – дурочка, неразумный ребенок...

Ребенок. Ребенок? Да, ребенок. Точно. Это все из-за сегодняшнего сна. Из-за него так тяжело, так мучительно теперь. Это сон виноват, сон, а Руслан тут ни при чем!

...Дина в другой комнате, носившей гордое название – гостиная, открыла шкаф. «Забыть, надо забыть... Надо отвлечься, надо думать о чем-нибудь другом!»

Она достала новое платье – красное, с открытыми плечами, с глубоким вырезом, с широкой юбкой. Платье Дина шила у портнихи тайком от мужа – чтобы поразить потом, при случае. И ближайший удобный случай – день рождения Бати.

Дина не выдержала, сбросила халат и одним движением натянула платье на себя, повернулась перед зеркалом. Широкая юбка плеснулась вокруг колен... Темные длинные волосы. Руки красивые, тонкие. Грудь. Талия – тонюсенькая! Ножки ничего так. И, главное, прикрыты

широкие бедра, которыми Дина была недовольна, и та часть тела, за которую ее сравнивали с Дженнифер Лопес. Сколько раз слышала эти мужские сальные шуточки за своей спиной... Теперь уж никто так не скажет! Юбкой все прикрыто...

Дина несколько раз повернулась перед зеркалом, потом выхватила из футляра, лежавшего на стуле, скрипку, на струнах закрепила сурдину, заглушавшую звук (чтобы Руслана не разбудить!), взмахнула смычком... Она будет играть на скрипке, а старший лейтенант Лагутенко – петь. Это и есть сюрприз Бате.

Женщина любовалась на свое отражение в зеркале – платье, скрипка в руках... Все идеально, все сочетается.

Дина когда-то готовилась к карьере скрипачки, собиралась ехать в Москву, поступать в консерваторию, но не получилось – в восемнадцать лет вышла замуж, и Руслан увез ее в один из приграничных городков на Дальнем Востоке, где не то что консерватории – вообще ни одного высшего учебного заведения не было, лишь два училища – для мальчиков и для девочек... Одно из них, медицинское (для девочек), Дина и закончила, став профессиональной медсестрой.

Потом Руслану пришлось сменить место службы, и они оказались здесь, в Серхете, совсем уж на краю земли...

Но мечту свою Дина так и не забыла, все на что-то надеялась. Играла на скрипке в свободное время, берегла руки. Хотя на что надеяться? Тридцать один год, любительский уровень. Уже никакая консерватория не поможет.

Муж талантом жены на людях гордился, правда, дома от звуков скрипки его начинало корежить. «Словно по стеклу скребут!» – морщился он. Несколько раз Дина выступала на самодеятельных концертах в Доме офицеров. Все восхищались – сослуживцы мужа, их жены, – но именно это и напрягало Руслана. Он честно заявил жене: «Знаешь, а мне ведь намекали, что я твою карьеру загубил!»

И Дина перестала выступать в Доме офицеров.

Но сюрприз Бате – это другое. Она не будет исполнять никаких серьезных композиций. «Очи черные» да «Утро туманное» – цыганщина, баловство, развлечение...

Красное платье, темные волосы, звуки зажигательной музыки. Красиво, да. «Но чего-то не хватает!» Дина отыскала в шкафу шаль, набросила ее на плечи. «Нет, не идет». Затолкала шаль обратно. «Цветок в волосы? Ха, какой еще цветок... Маки уже отцвели!»

Весной в низине цвели маки... Но потом цветы скосили, а сейчас под жгучим солнцем пожухла даже полынь.

«Как же я забыла!» – внезапно спохватилась Дина. И из глубин шкафа бережно достала шкатулку. В ней хранились колечки, сережки и главное сокровище – перстень с рубином. Перстень достался Дине от бабушки. Та говорила, что это настоящий индийский рубин, очень хорошего качества, очень крупный...

Перстень Дина никогда не надевала – берегла его. Да и повода не было. И потом, другой вопрос – с чем это сокровище носить?.. Наряд должен быть роскошным – под этот перстень. «Но зато вот с этим красным платьем – самое оно. Когда, если не сейчас!» – подумала женщина и надела перстень на средний палец правой руки. «О, чудесно...» – Глаза у Дины даже затуманились от восхищения. Несколько минут она стояла перед зеркалом, положив руку на грудь – так, чтобы было видно перстень.

Потом опомнилась – опаздывает же! Быстро сняла платье, натянула другое – простенькое, из ситца в цветочек, уже немного выцветшее.

Через пять минут Дина уже бежала по выложенной камнем неровной мостовой. Узкая улочка, с обеих сторон – глухие заборы из известняка...

– Здравствуйте. Здравствуйте! Елена, привет, как дела?.. Доброе утро!

– Дина Алексеевна, здравствуйте. Динка, привет! Дина, Фидель Рауфович сегодня будет? Дина, здравствуйте!

В маленьком городке многие друг друга знали в лицо. В этот утренний час прохожих оказалось много – кто спешил на работу, кто на базар, кто еще куда. Дела делались именно сейчас – когда солнцу было еще далеко до зенита. Потом, днем, жизнь в городе замирала часа на два, три. В обеденное время можно было обойти весь город и не встретить ни одного человека. Жара... Перед закатом опять все оживало, ну, а после на Серхет обрушивалась черная, неуютная ночь.

«Почему мне в который раз снится сад? – по дороге размышляла Дина. – Цветы эти... К чему? Господи, как тяжело. Вот бы умереть! Я так не могу больше, не могу, не могу...»

– Дина, добрый день, – встретил ее главврач, хирург Фидель Рауфович Курбатов. – На десять минут опоздали. Нехорошо.

– Простите, Фидель Рауфович. Муж задержался, я его встречала.

Фидель поджал губы, но ничего не сказал. Только посмотрел на Дину – оценивающе, раздраженно и с тоской как будто. Потом бросил:

– Красивое кольцо...

«Какое кольцо? Ой, мамочки, забыла свой перстень снять!» – мысленно ахнула Дина.

...Хирургу было пятьдесят четыре. Высокий, плотный, с массивным одутловатым лицом, еще очень красивым – броской, восточной красотой. Крупные розовые губы, большие карие глаза... Пузцо уже, конечно. Ну и что? Он все равно пользовался бешеной популярностью у незамужних дам (а в общем, и замужних, и несимпатичных... и даже немолодых). Ему прощались амурные похождения – за другой его талант. Жители городка уважали Фиделя Рауфовича как замечательного хирурга, спасшего не одну жизнь, и благодарили, как могли. И деньгами, и продуктами, и стройматериалами... Всем! Недаром же сказано – хорошего врача пациенты прокормят... Фидель владел роскошным домом, самым лучшим в Серхете. Сын Курбатова учился в Англии.

Но все-таки каким же бабником был хирург...

Когда Дина устраивалась работать в больницу (было это лет семь назад), к Фиделю пришел Руслан. Он только осваивался в Серхете, но уже был наслышан о подвигах главврача. Руслан, в полной боевой амуниции, при «калаше», сказал тогда только одну фразу, кивнув на дверь, ведущую в коридор (там стояла Дина):

– Тронешь – убью.

И передернул затвор на автомате.

Вероятно, на Фиделя эта сцена произвела неизгладимое впечатление – поскольку он, закоренелый бабник, за все эти годы так и не осмелился подкатить к Дине с двусмысленным предложением.

Жене Руслан тоже сделал внушение, однако напрасно – Дина была не из тех женщин, которые попадались на чары сладострастных Казанов – и Руслан это знал. Потому и позволил супруге работать в больнице, под крылом Фиделя.

Да, Дине была отвратительна эта порода мужчин, к которой принадлежал ее начальник. Она не понимала его поклонниц. Как можно хотеть Фиделя, когда тот переспал со столькими женщинами? Фу. Это ж какой самкой надо быть, чтобы согласиться делать это где-нибудь в ординаторской, в подвале, в смотровой, еще где...

Сколько раз за годы своей работы Дина натыкалась на запертые двери – из которых потом, спустя несколько минут, оправляя одежду, выходили Фидель и какая-нибудь женщина из персонала больницы или пациентка даже... Стоило только заглянуть в воспаленные глаза главврача, чтобы сразу понять, чем они там занимались. Пару раз двери оказывались не заперты, с тех пор Дина без стука никуда не входила.

Дина бы давно сбежала от Фиделя, если бы не талант последнего... Гений же. Такие операции делает почти при полном отсутствии оборудования! Человеку можно простить многое, если он – профессионал. (Да и потом, куда сбегать, если другой работы в городе не найти...)

...Утро было вполне обычным – Дина делала уколы, брала кровь на анализы, ставила капельницы.

Перстень она так и не сняла – боялась, что потеряет. Когда мыла руки, клала его перед собой, на полочку, потом снова надевала на палец. Юной медсестре Вике, из гинекологии, зачем-то соврала, что это бижутерия. Вика поверила. Дина боялась, что кто-нибудь узнает о ценности рубина и украдет перстень. В Серхете сроду никаких серьезных краж не случилось (украсть трудно, когда все друг друга чуть ли не в лицо знают), но вдруг, вдруг?! «Я же этот перстень все равно на день рождения Бати надеть собираюсь! – напоминала себе Дина. – Но там Руслан будет, с Русланом ничего не боюсь, а без него...»

– Дина, идем чай пить! – позвала Вика.

Они расположились в ординаторской, у телевизора.

«...ралли «Бархатный путь» стартовало в Сочи и теперь проходит по южной границе России. Гонщики сейчас преодолевают сложный участок пути, проходящий по степям, но впереди еще более тяжелый маршрут – через пустыню...» – забубнил телевизор.

– Что, правда, и через нас поедут? – спохватилась Дина, вспомнив утренний разговор с мужем.

– Говорят, да! – немного приглушив звук телевизора, радостно заулыбалась Вика – страшенькая, веснушчатая, сутулая, с крошечным, изогнутым запятой носиком, напоминающим боксерский (детская травма). – Там и грузовики, и легковушки, и автомобили... Целый караван! Их телевидение снимает и все такое...

– И наш город покажут? – спросила Дина, глядя в телевизор. На экране под рев моторов барабанил свою речь ведущий с микрофоном, а на заднем фоне механики меняли колеса у какого-то автомобиля.

– Ага! Может, и нас снимут! – ликовала Вика, потом вдруг захлебнулась на полуслове, потупила глазки, зарозовела. – Ой, здравствуйте.

Дина оглянулась и увидела в дверях Таисию Георгиевну, жену главврача. Это ее испугалась Вика. Только вот почему испугалась?

– Здравствуйте, – прошелестела Таисия Георгиевна, пристально разглядывая медсестру.

«Значит, и Вика тоже... – мгновенно догадалась Дина. – Ну, Фидель Рауфович дает! А жена его откуда знает, что у мужа новый роман?»

Но, вероятно, Таисия Георгиевна за столько лет уже научилась вычислять любовниц мужа. Сердцем их чувствовала.

– Пойду... Капельницу в третьей палате проверю! – пролепетала Вика и пулей выскочила из ординаторской.

Таисия Георгиевна повернулась к Дине и принялась сканировать ее взглядом. Жене главврача было под пятьдесят. Грузная, массивная женщина, с тяжелой походкой, тяжелым взглядом, тяжелым узлом из черных волос, лежащим сзади на шее. Всегда в черном.

Дина с честью выдержала ее взгляд, но, похоже, Таисию Георгиевну это не успокоило. Даже как будто разозлило. Она не верила, что есть женщины, способные устоять перед Фиделем Рауфовичем...

– Перстенок у вас какой чудесный, Диночка, – облизнув узкие, сливового цвета губы, произнесла Таисия Георгиевна. – Очень хороший рубин. Можно?

– Да, пожалуйста, – Дина сняла с пальца перстень и протянула жене главврача, хотя меньше всего ей хотелось отдавать свое сокровище в чужие руки. Она в сотый раз принялась клясть себя за то, что забыла снять фамильную драгоценность.

Таисия Георгиевна была известной любительницей дорогих украшений.

– Рубин. Индийский, да? И каратов в нем немало... – вертела в пальцах перстень жена главврача. – Мне даже на мизинец не налезет. У вас, Диночка, пальчики тоненькие, скрипачка же вы, я слышала...

– Так, любительница. Играю иногда.

– Ну-ну, не скромничайте... Я слышала, могли бы мир покорить при желании.

– Нет. Без консерваторского образования мне только в детском саду, на утренниках, выступать, – упрямо возразила Дина.

– Ну-ну... А вот у меня мастер есть знакомый, ювелир... – бормотала Таисия Георгиевна, продолжая вертеть перстень. – Он бы это колечко растянул... А продайте мне его, Дина.

– Нет, что вы!

– Продайте, – мягко повторила Таисия Георгиевна. – Я вам столько заплачу, сколько скажете.

– Нет.

– А вы подумайте...

В дверях вырос Фидель Рауфович:

– О чем Дина должна подумать? – быстро спросил он.

– Вот, прошу Диночку перстенок мне продать, – обернувшись, ласково улыбнулась мужу Таисия Георгиевна.

– Все тебе мало, Тася... – с неопределенным выражением произнес главврач.

– Мало. Мне все мало, да...

– Дина, продайте ей кольцо, – решительно произнес главврач, словно желая побыстрее закрыть эту тему. – Сколько запросите, столько и получите.

– Нет. Не могу, – насупилась Дина. – Это бабушкино. И вообще...

Фидель Рауфович с тоской и раздражением некоторое время смотрел на Дину. Потом повернулся к жене:

– Тася, не отдаст она свое сокровище. А ты иди домой. Нечего тебе в больнице делать.

– Так я тебя проведать пришла... – Таисия Георгиевна сунула перстень обратно в ладонь Дины. – Я соскучилась! – с вызовом заявила женщина, глядя на мужа.

– Идем. Идем отсюда, – главврач взял за руку жену, вывел из кабинета.

Дина осталась одна. На экране телевизора уже шла мелодрама – самозабвенно целовалась влюбленная парочка. Молодые и красивые. Счастливые. Эх, как все просто в кино...

Интересно, а счастлива ли Таисия Георгиевна? Она уже много лет в браке, но, как говорят, Фидель всегда был ходоком. Что же удерживает ее возле мужа – ведь Таисия Георгиевна явно страдает, мучается... Фидель – хороший дядька, он, в общем-то, чужих судеб не ломает, к интиму никого не принуждает, но каково жить с ним женщине, которая любит его безумно? А ведь Таисия любит мужа – если до сих пор не смирилась, буравит взглядом каждую встречную-поперечную (спала или не спала та с главврачом?), без предупреждения является в больницу, по месту работы мужа, заглядывает в каждую дверь...

Эта женщина, состарившаяся и погрузневшая раньше времени, вся в черном – похожа на головешку. Таисия Георгиевна, наверное, живьем в своем аду горит.

...Смена закончилась, Дина вышла из здания больницы. После полутьмы и душной прохлады казенного заведения город встретил молодую женщину раскаленным воздухом. Началось мучительное, невыносимое лето – после слишком короткой весны.

Но Дина не пошла домой, а свернула в один из проулков. Пустая узкая улочка с каменными заборами с обеих сторон привела ее к кладбищу. В этот час никого тут не было, лишь содрогались и трепетали на ветру выцветшие бумажные цветы, украшавшие ограды у могил.

Дина прошла через все кладбище и остановилась у стены, где располагался колумбарий. Там, в одной из ячеек, лежал пепел той, которую Дина любила больше своей жизни.

Марьяна Сергеева, год рождения и год смерти – один и тот же. Только разница между первой датой и второй – полгода. Марьяне было полгода, когда холера забрала девочку. Вернее, Дина сама впустила в свой дом эту страшную болезнь...

Рядом со стеной колумбария рос карагач – ветвистый, корявый. Дина села в его тени, захватила в ладонь горсть песку. Сжала что было сил.

Песок сыпался сквозь пальцы, его уносил ветер. Дина разжала ладонь – лишь несколько песчинок осталось, да и то ненадолго. Вот так всегда. Сколько ни пытайся удержать – все равно не удержишь.

Марьяша этой осенью пошла бы в школу.

Это Дина, Дина виновата в ее смерти!

* * *

День рождения Бати отмечали в Доме офицеров. Повар с помощниками приготовили праздничный ужин, жены офицеров сервировали столы.

Дина пришла позже, поскольку у нее был свой, особый вклад в торжество.

Когда она появилась – в ярко-красном платье, с завитыми локонами, с алой помадой на губах, с кольцом на пальце (рубин – как кровь! – он особенно ярко мерцал в электрическом свете), все ахнули.

– Ну, Руслан, береги жену – ее сегодня точно кто-нибудь захочет украсть! – восхищенно произнес виновник торжества, Петр Трофимович Яремин, в просторечии – Батя, полковник, начальник пограничного гарнизона.

– Да, вот уж не ожидал, прибыла моя лягушонка в коробчонке... – пробормотал Руслан, отводя Дину в сторону. – Слушай, ты с ума сошла?

– А что? – испугалась Дина. – Мне не идет?

– Идет, идет... Только этот цвет. Ты ж как пожарная машина! – усмехнулся Руслан. – А это что?

– Перстень свой надела. Мне кажется, он очень подходит к этому платью... – смущенно пробормотала Дина. – Но ты не думай, все не просто так! Мы с Лагутенко будем исполнять цыганские песни, так что красный цвет не зря... он вполне в тему!

– Ага. В тему. Ну ладно, ладно, не куксись, тебе хорошо! Секси-герл!

– Какая я тебе секси-герл?! – расстроено прошипела Дина. – Придумаешь тоже...

Честно говоря, она сама не ожидала, что ее платье произведет такой эффект. «И правда, слишком ярко...» Дина не любила находиться в центре внимания, особенно мужского, она смущалась и чувствовала себя не в своей тарелке.

Но потом сели за стол, выпили за здоровье Бати, разговорились... Дина успокоилась. Она знала этих людей много лет – точно так же, как они знали ее. Замечательные офицеры, их жены – настоящие, преданные подруги пограничников... Чужих здесь не было; чужих, случайных людей вымело отсюда суховеями, выжгло белым солнцем...

А ведь правда, солнце в пустыне – белое!

Когда Дина в далеком детстве смотрела этот, всем известный фильм, она даже не подозревала, что ей когда-нибудь придется жить под тем самым белым солнцем.

После торжественной части Дина с Лагутенко вышли на небольшую эстраду. Дина играла на скрипке, Лагутенко пел. У старшего лейтенанта, еще молодого человека, был глуховатый баритон – приятный, но какой-то «возрастной», даже старческий. Лагутенко пел, то и дело поглядывая в сторону Лили. Лиля, двадцати семи лет, – учительница младших классов, в ее класс ходили все офицерские дети.

– Очи черные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные... Как люблю я вас, как боюсь я вас, знать, увидел вас я в недобрый час! – старательно выводил Лагутенко.

Кстати, у Лили – вовсе не черные, а зеленые очи.

Лиля была незамужней, но – с ребенком. Она одна растила дочь трех лет, Аришку (полное имя – Ариадна), и ходили слухи, что, возможно, родила учительница от Лагутенко. Тогда почему старший лейтенант не женился на Лиле? Безобразие. Тем более что так и пожирает ее глазами...

Скорее всего, дело в Лиле.

Девушка была слишком независима, слишком свободна. Ничего не боялась и никого. И никто Лиле не нужен... Даже подруг у нее не было! Гордая.

Это ей, Лиле (а вовсе не Дине), впору нарядиться темпераментной цыганкой и плясать сейчас на эстраде.

После импровизированного концерта был небольшой перерыв. Дина ушла к буфетной стойке – там стояла шеренга стаканов с компотом из сухофруктов. Очень хотелось пить...

– Динка, ты сегодня звезда, – неожиданно появилась рядом Лиля. Чокнулась с Диной стаканами. – А это у тебя что? Я весь вечер смотрю, смотрю... Ты смычком водишь, а оно так и блестит! Настоящий камень?

«Эх, теперь все знают... Теперь не имеет смысла прятать!» – подумала Дина и радостно кивнула:

– Настоящий! Рубин. Таисия умоляла продать, но я не согласилась. Семейная драгоценность!

– Да? Ты смотри... Что у тебя еще там в закромах?

– Да ничего... Оно единственное, это колечко, единственно ценное.

– Таисия сумасшедшая... – смешно наморщила носик Лиля. – Противная баба. Следит за всеми. Как это... у нее паранойя, вот!

– А мне ее жалко, – призналась Дина.

– Ой, перестань! Она же сама свою судьбу выбрала! – с презрением произнесла Лиля. – Ее муж трахает все, что шевелится, а она терпит... Слушай, Фидель к тебе не приставал?

– Лиля! – вспыхнула от гнева и смущения Дина.

Лиля захохотала, откинув назад голову.

Сегодня эта женщина напоминала лисичку – рыжие волосы убранные в хвост, остренький носик, терракотового оттенка сарафан... Темно-зеленые Лилины глаза смотрели на мир бесстрашно и дерзко. Отчаянно. Наверное, Лиля никогда и ни из-за чего не переживала. И эта ее внутренняя свобода не могла не восхищать Дину, которая переживала по любому поводу.

К Дине подошел Батя, пригласил танцевать.

– Ты сегодня звезда, Дина, – торжественно прошептал он ей на ухо, приятно дыша свежавыпитым коньяком.

– Спасибо, Петр Трофимович...

– Тьфу-тьфу-тьфу. Чтоб не сглазить. Ожила наконец. Ведь столько лет глаз не поднимала, не улыбалась...

– Я улыбалась! – возразила Дина. «Знал бы он, что ничего не прошло, ничего!»

– Ох, девочка, все у тебя будет хорошо. Я старый солдат, ученый жизнью. У тебя все будет хорошо, слышишь?!

– Да. Да...

Батя был немного пьян и сентиментален. Дина обожала его, но все равно зачем он говорит об этом?..

– Ой, пойду свою Наталью приглашу, а то она меня заревнует... – Батя галантно подвел Дину к мужу.

Затем с Диной вальсировал Руслан, потом Дину и Лагутенко просили еще выступить... Хлопали, восхищались, смотрели только на скрипачку. Дина после того «догналась» шампан-

ским, и ей стало совсем уж хорошо. Словно и вправду отпустило – именно сегодня, спустя столько лет...

Руслан с другими офицерами курил на веранде, а Дина отчаянно отплясывала с младшим лейтенантом (имя его она не помнила), неженатым еще, таким смешным и неуклюжим, словно щенок...

Как расходились, Дина не помнила.

Смутно ощущала, что Руслан ведет ее под руку к дому.

– Дина Алексеевна, я тебя не узнаю... – мрачно произнес Руслан, когда они наконец вошли в дом.

– А что такого... – начала женщина и осеклась на полуслове – на полу, свернувшись в клубок, лежала змея. Когда включили свет, затоптались на полу – змея дернулась, подняла высоко голову и, раздув капюшон, зашипела.

«Кобра...» – екнуло у Дины сердце, и она моментально протрезвела.

Руслан схватил первое, что попало под руку, – полотенце, висевшее на спинке стула, намотал его на кулак и сунул под нос змее. Та вцепилась в полотенце, Руслан молниеносно перехватил кобру за шею и выскочил из дома.

Вернулся через минуту, бросил полотенце на пол.

– Ты ее убил? – упавшим голосом спросила Дина.

– Дина. Дина, да хрен с ней... Послушай. Ты зачем себя так сегодня вела? Ты зачем Левандовскому глазки строила? Я же видел, как он тебя щупал во время танца...

– Какому Левандовскому я глазки строила?

– Да лейтенантику этому, молокососу!

– А... – пробормотала Дина. «Значит, вот как того юношу зовут! Не могла вспомнить фамилию...»

– Вот тебе и «а»! – со злостью сказал муж и оттолкнул Дину, стоявшую на его пути, с такой силой, что она полетела назад, упала на бок и стукнулась затылком о шкаф.

Хлопнув дверью, Руслан скрылся в спальне.

Дина приподнялась на локте, села. Потерла затылок. Кажется, будет шишка.

«Откуда змея? Пробралась, нашла где-то щель... Надо двери лучше закрывать...» Змеи в этой местности были не редкостью, у всех жителей хранились в доме антидоты – чтобы в случае укуса сделать укол. С теми же проблемами обращались в больницу, в которой работала Дина, она сама не раз вводила людям противоядие. Впрочем, и вправду, хрен с ней, с этой змеей...

«Это я виновата. Я отвратительная... Это мой недосмотр! – Дина вдруг съежилась, сжалась, обхватив колени. – Я дура!»

Шесть лет назад она, молоденькая, еще глупая, не знающая особенностей местной жизни, впустила в дом женщину, беженку с ребенком. Непокойные тогда были времена, в соседней стране, за пограничной линией, которая располагалась так близко, – волнения... Ну как не впустить женщину с ребенком, жалко же... Дина напоила ее, накормила, дала деньги. Не в первый раз помогала.

А через сутки – заболела Марьяша. Это была холера. Дина еще не сразу пошла в больницу, думала, у дочки зубки режутся – вот потому и рвет девочку, и со стулом не в порядке...

Как медик Дина в теории знала обо всех опасностях жизни в южных, жарких краях, соблюдала все меры безопасности, но просто это был первый случай, когда она лично, лоб в лоб, столкнулась с проблемой, когда она от теории была вынуждена перейти к практике. И как, как можно было не протянуть руку помощи женщине, которая несла, прижимая к груди, дитя того же возраста, что была и Марьяша?! И, в общем, посуду после той женщины Дина мыла тщательно, убрала везде, хлоркой в туалете посыпала... Но, видно, холера – такая зараза, что способна и через малейшую щелочку прорваться! Через сутки стало известно, что по району гуляет холера, косит людей – правда, смертельных случаев было мало – Марьяша погибла, и

еще старик один. Болезнь – она же опасней для малых и старых, именно их забирает в первую очередь. Других заразившихся успешно вылечили. В районе ввели карантин, пресекли холеру на самом корню.

...Дина легла спать на кухне, на маленьком диванчике.

Долго не могла уснуть. Руслан никогда ее не бил. Нет, было. Один раз, в самом начале их семейной жизни, когда они еще не могли приладиться друг к другу, не знали, как себя вести. Поссорились, и Руслан дал ей пощечину. Потом... Потом еще распускал руки – ударил несколько раз, когда сказали, что у Марьяши холера и Руслан догадался, как именно произошло заражение... «Зачем в дом чужих пустила, дрянь!» Но кто ж его осудит за тот раз?.. Никто.

Но вот сейчас... За что?

Разве она вела себя на вечере как-то распутно? Платье это красного цвета подействовало на него, словно на быка? Нет, дело в другом. Ему тоже до сих пор больно. Ему не менее больно, чем Дине... И он страдает из-за Марьяши, не может смириться с ее смертью. Нервничает, срывается по пустякам. Они с Русланом – скованные одной цепью, одним общим горем. И Дина заплакала – от жалости к Руслану.

Его можно понять. Он ей сказал года четыре назад: «Я не хочу детей. У нас не будет детей. Не хочу больше».

А он всегда держал слово... И с тех пор, даже в самые горячие минуты, которые были между супругами, помнил об этом своем обещании.

Но Дина так и не уснула – в дверь постучали. «На заставе что-то случилось? Хотя вряд ли, Руслану бы позвонили!» Да и стучали уж слишком тихо, даже робко, неуверенно. Свои так не скребутся.

– Кто там? – тревожно спросила Дина, выйдя в прихожую.

– Хозяйка... Хозяин зови! Говорить надо... Дело есть, – раздалось с той стороны с сильным акцентом.

Дина – несчастная, сонная, испуганная – зашлепала в спальню.

– Руслан... Руслан, проснись. Там эти... Нездешние, что ли. Говорят, дело к тебе. Только оружие захвати.

– Какое оружие? – разозлился муж, вскакивая с постели. – Ко мне должны были прийти. Где ключи от сарая? Ничего в этом доме не найдешь... Вот они. А ты ложись, чтобы я тебя не видел и не слышал! И без вопросов чтобы! Куда пошла?.. Здесь ложись, где нормальные люди спать должны... Ох, горе ты мое... – звенящим от досады голосом воскликнул он, влез в штаны и выскочил из спальни.

Дина упала на кровать, закрыла глаза. Хотелось пить, язык пересох, но она не посмела нарушать приказ мужа. Не стала выходить из спальни, хотя, помимо жажды, ее еще мучило беспокойство за Руслана.

...Сколько прошло времени, Дина не знала. Она все-таки заснула.

И вдруг почувствовала, как Руслан обхватил ее, притянул к себе.

– Динка, Динка... Динка-льдинка! – Он обнял ее, потом поцеловал твердыми сухими губами в шею.

– Больно, – пожаловалась она, приложив его ладонь к своей макушке.

– Ух ты... Шишка! Ничего, заживет, – он перевернул ее, поцеловал в макушку. – А ты сама виновата! Хулиганка. Развратница. Еще неизвестно, чем вы там с Фиделем занимаетесь...

– Как ты можешь так говорить...

– Молчи. Сама молчи, – он раскинул ее руки, колючей щекой провел по груди.

Над дверью монотонно погромыхивал кондиционер, холодный воздух в комнате мешался с горячим – сплетаясь, пылали два обнаженных тела...

Руслан дышал громко, со свистом, через нос.

«Он меня любит. Он все равно меня любит, несмотря ни на что!» – с отчаянием и нежностью подумала Дина, судорожно, торопливо обнимая мужа.

Если в ней и была еще какая-то обида, то она растаяла, исчезла, испарилась – словно вода, пролившаяся в полдень на раскаленные камни. Через несколько минут от нее и следа уже не осталось.

* * *

Утром Руслан уехал на заставу, а Дина, как всегда, отправилась на работу.

Вышла из дома и остановилась в изумлении – по щебенке, поднимая пыль, ехали какие-то трейлеры, автомобили.

«Ах да, ралли!» – вспомнила она. Но это ехали не участники гонок – Дина разглядела на боках машин телеэмблемы – что наших, что зарубежных каналов.

Первым в город прибыло телевидение.

...Работать в этот день никто не мог. Бегали на улицу, смотрели на телевизионщиков – как те паркуют свои трейлеры, расставляют аппаратуру.

Единственный ресторан в городе был полностью оккупирован голодными приезжими. Хасан, владелец ресторана, за короткое время организовал еще дополнительную веранду. Натянул тенты, расставил столы и стулья. Аромат кофе мешался с запахом шашлыков...

Это был какой-то праздник, чудо. Никогда еще маленький Серхет не испытывал подобного наплыва гостей, и даже полуденный зной не казался таким уж изнурительным.

– У меня взяли интервью! – по коридорам с визгом бегала Вика. – Меня снимали на камеру!

...Фидель Рауфович в белоснежном халате стоял на крыльце, сложив руки на груди, и наблюдал за суетой, которая царила на площади перед зданием больницы.

– Врачи есть? – к крыльцу подошла женщина неопределенного возраста, в шортах, худая, загорелая. В черных очках, в кепке, с серебристо-белыми волосами, выбивающимися из-под нее. Приезжей могло быть как тридцать, так и пятьдесят лет. – Я хочу у специалиста проконсультироваться. Кажется, запястье вывихнуло... Я заплачу! Можно?

– Можно, можно, – расцепил руки на груди главврач. – Идемте со мной, я посмотрю. И при чем тут деньги?.. У нас скорая помощь бесплатно.

Загорелая блондинка на секунду замерла, потом ослепительно улыбнулась, глядя на Фиделя снизу вверх. У того в лице ничего не дрогнуло, только глаза смотрели неподвижно, мрачно, горячо...

«В принципе, они поняли друг друга и без слов, – подумала Дина, наблюдавшая эту сцену со стороны. – Неужели такое возможно – посмотрели друг на друга, поняли все, ушли вдвоем, и тут же все и случилось?.. Что за горячка на людей нападает? Или дело в Фиделе? Он и правда такой Казанова, что женщины сами на него вешаются? Тогда это какая-то собачья свадьба получается! Люди – те же животные. И зачем только любовь придумали, когда на деле – одна случайка!»

Себя Дина не без гордости к таким несдержанным людям не причисляла.

– Фидель Рауфович! – крикнула она на всякий случай в полутемный коридор, в котором скрылись главврач и блондинка. – Я вам не понадобится?

Ответа не было.

«Ну и ладно...» Дина села на крыльце, расправила на коленях складки халата. Телевизионщики на другом конце площади расставляли какую-то аппаратуру, тянули провода.

На крыльце выскочила Вика, плюхнулась рядом с Диной на ступеньку.

– Зачем им еще софиты? – пробормотала Дина. – Тут же столько солнца...

Вика всхлипнула.

– Ты чего? – встрепенулась Дина, повернулась к девушке. – Вика?..

– Он гад. И она гадина. Ты смотри – сколько вокруг парней, молодых и красивых... Своих ей было мало? Нет, она к Фиделю поперлась! – раздраженно, со слезами в голосе, пожаловалась медсестра.

– А... Ты об этой блондинке. Может, у нее действительно вывих.

– Как же! Жди! – топнула Вика ногой.

– Ты сама чужое взяла, – пожала плечами Дина. – Никого не хочу осуждать, но...

– Чего это я чужое взяла? – возмутилась молоденькая медсестра. – У кого?

– А вон у той женщины взяла, – Дина указала подбородком на Таисию Георгиевну, всю в черном, грузно шагавшую по площади. Таисия прикрывалась от солнца черным же зонтиком...

– Ой, ну ты сказала... Фидель ее не любит!

– А тебя он – любит? Ты тут первый год работаешь, а я знаю – таких, как ты, он уже сотню разменял.

– Я поняла! Ты его сама ревнуешь! – нервно засмеялась Вика.

– Вот еще. Руслан его убьет, если он ко мне хоть пальцем прикоснется, – надменно произнесла Дина. – И не говори про любовь, то, что между тобой и Фиделем, и прочими, – это не любовь.

– А зато у тебя и Русланчика твоего – любовь!

– Да. Именно так, – усмехнулась Дина.

– Ой, какая же ты вредина, Динка... – сжав кулачки, пробормотала Вика. – Ладно, я побежала, не хочу с Таисией встречаться...

Вика вскочила и, сутулясь и щелкая пластиковыми шлепанцами о пятки, суетливо заскакала в сторону.

К крыльцу подошла Таисия Георгиевна, сложила зонтик.

– Добрый день, Дина. Фидель Рауфович у себя?

– Добрый день. Поискать его?

– Нет-нет, я сама, – переваливаясь с боку на бок, жена главврача принялась карабкаться вверх по ступеням.

Дину никто не звал, да и сами больные (в основном старики да хроники – ничего серьезного и требующего экстренных мер) то и дело выходили на крыльцо, обсуждали происходящее, гадали, скоро ли поедут сами гонщики и можно ли будет живьем наблюдать за ралли...

– Так, это что? Фарида Алимовна, вы куда прямо с капельницей? Ну-ка в палату! Гоша, и ты иди! Тебе вообще нельзя ходить... – наконец встрепенулась Дина, когда на крыльцо высыпали чуть не лежачие.

Дина только разогнала всех, но тут из глубин больницы опять появилась Таисия Георгиевна.

– Фидель Рауфович меня не искал? – на всякий случай спросила Дина.

– Нет, у него там пациентка... – сдержанно произнесла женщина. Открыла над головой зонтик. – Диночка, а вы не передумали?

– Вы о кольце? Нет, я не продам.

– Жалко... Я бы вам хорошие деньги дала. Деньги, они, знаете, никогда не помешают. Мало ли что. Вдруг вы решите уехать отсюда, а переезд средств требует.

– Мы отсюда не уедем, – возразила Дина, вспомнив ячейку в стене колумбария, старый карагач рядом, трепещущие на железных оградах бумажные цветы...

– Нет, я не о том... Вдруг вам, именно вам, Дина, захочется уехать из Серхета. С мужем решитесь развестись, и вообще... – Таисия Георгиевна неопределенно взмахнула свободной рукой.

«Сумасшедшая... Злится на весь мир – из-за Фиделя!» – догадалась Дина.

– Я никогда не разведусь с Русланом, – спокойно произнесла Дина. – У меня даже повода нет – с ним разводиться.

– Н-да?.. Нет повода, значит... – печально вздохнула Таисия. – И правду говорят – что жены или мужья узнают все последними.

– Вы о чем?

– Да так... Мужчины не могут не изменять. Это в их природе, – опять неопределенный взмах рукой. «По своему Фиделю, верно, судит!» – с неприязнью подумала Дина, даже ни на секунду не поверив Таисии Георгиевне.

– Не у всех.

– У всех, у всех... Я, Диночка, очень наблюдательна. Все-все вижу, все-все знаю, что в городе творится, кто куда ходит и к кому.

Дина пожала плечами.

– Вы думаете, я от злости это вам говорю? Нет, – неспешно продолжила Таисия. – Я добрая, я всем прощаю, всех люблю. Но, Дина, представьте, как вам будет больно, когда вы узнаете... Лучше потихоньку вас подготовить, помаленьку, постепенно.

– А зачем меня подготавливать? – с иронией спросила Дина. – Может, я желаю жить в неведении!

– Рано или поздно все откроется.

– Не откроется, – едва сдерживая улыбку, бросила Дина. «И чего она ко мне привязалась! Надо было сбежать сейчас, как Вика...»

– Откроется, – мягко, но непреклонно повторила Таисия Георгиевна и положила зонтик на плечо. – Есть особые обстоятельства. И настанет день, когда вы будете ранены в самое сердце. В самое-самое сердце!

– Зачем вы мне это говорите? – начиная раздражаться, спросила Дина. – Вот зачем? Вам плохо, так вы хотите, чтобы и другие страдали?

– А кто сказал, что мне плохо? – Зонтик за плечом Таисии завертелся стремительно по кругу.

– А вам хорошо?

– Мне? Мне очень хорошо. Я счастлива. Если бы вы знали, Диночка, как я счастлива!

– И всем довольны? И ничего не хотите изменить? – с насмешкой спросила Дина.

– Ничего. Ничего. Ничего! – Таисия Георгиевна принялась неуклюже, по-старушечьи, боком, спускаться по ступеням.

– Куда же вы? Таисия Георгиевна, вы так и не сказали, с кем изменяет мне мой благоверный!

– Я вам ничего не скажу. Нет, нет... Забудьте этот разговор, Дина. Я пошутила!

Супруга главврача зашагала через площадь, время от времени нервно шараясь от телевизионщиков, тянувших свои провода.

Как уже упоминалось, Дина даже ни на мгновение не усомнилась в верности своего мужа. Несчастливая Таисия, все с ней ясно! Но настроение все равно было испорчено, какая-то тяжесть легла на сердце... «А вдруг Таисия так ни о чем и не догадывается? То есть подозревает своего мужа, но сама боится поверить в то, что ее Фидель – бабник? Нет, такое невозможно... Я сама сколько раз Фиделя видела в самых откровенных ситуациях... Гм, не может быть, чтобы и она не видела... А если видела – и тем не менее заставляла себя не верить собственным глазам? – сама себе возразила Дина. – Ну тогда это точно безумие...»

...В начале седьмого закончился рабочий день, Дина вышла из больницы и нос к носу столкнулась с Русланом.

– Ой... Привет! – обрадовалась она. – За мной?

– А за кем еще... – Муж быстро чмокнул ее в щеку. – Чужие мне не нужны. Пошли в ресторан, а?

– Пошли! – с изумлением ответила Дина. – К Хасану? Отлично!

Поход в ресторан для их маленькой семьи был событием. Обычно Дина с Русланом ходили в гости к сослуживцам мужа, иногда посещали вечеринки в офицерском клубе. Но это так, ничего особенного. А вот городской ресторан...

Дневная жара уже спала, тягучий вечерний свет, от которого на Дину обычно нападала тоска, сейчас показался ей почти сказочным.

И ресторан, и открытая веранда были полны народу – приезжие и горожане заполнили все.

Но нашелся свободный столик неподалеку от барной стойки, где работал телевизор, который как раз транслировал спортивный канал.

– Два шашлыка из баранины и бутылку вина, красного, сухого, – сделал Руслан заказ официантке.

За соседними столиками шумно пировали приезжие, и их разговор – о свете, о камерах, о постановке кадра, о том, как проходит ралли, – был одновременно и непонятен Дине, и приятен. Чуть дальше сидели иностранцы – веселые, раскованные, их речь тоже звучала волшебной музыкой. Другая жизнь – интересная, яркая... И так случилось, что Дина на вечер оказалась в центре чужой жизни.

– А когда сами машины будут ехать? – спросила она у Руслана.

– Говорят, завтра. Рано утром. Тут у них типа бивуака будет, отдых... Они ж не роботы, гонщики эти, им тоже есть-пить-спать надо. А потом – снова в путь!

– По городу поедут? – ужаснулась Дина.

– Нет, что ты! Стороной обойдут, а потом уйдут в Казахстан, что ли...

Картинка на экране сменилась, проскочили слова – «ралли «Бархатный путь», и телевизионщики дружно повернулись к экрану:

– О, наша работа!

«...пройти путь сможет, наверное, лишь половина стартовавших экипажей, – вещал мужчина с экрана. – Участники просили сократить маршрут, поскольку им пришлось долго блуждать по астраханским степям, но руководители маршрута не согласились. Чем сложнее трасса, тем интереснее! Скоро начнутся настоящие пустыни – с песками, дюнами и барханами, – так что это ралли можно сравнить с «Дакаром»! По итогам очередного этапа в категории легковых автомобилей лидирует Стефан Дефо, выступающий за Францию, вторым идет поляк Кшиштоф Жданецкий, за третье место борются россияне Андрей Ярцев и Никита Раевский. Послушайте, что сказал в своем интервью Раевский...»

Официантка принесла заказ, но Дина продолжала замороженно смотреть в телевизор. На экране появился молодой человек в спортивном комбинезоне, внизу возникла надпись – «Никита Раевский».

«Несколько степных участков доставили нам удовольствие, но затем на бездорожье было по-настоящему тяжело и, честно говоря, не слишком приятно...» – зачастил гонщик, показавшийся Дине юным смешным мальчишкой – длинные волосы, длинный нос, широкий рот.

– Гм, а ты что, брат, легкой жизни хотел? – усмехнулся Руслан, стягивая зубами кусок мяса с шампура. – Халявщики они, спортсмены наши! – обратился он к жене, мотнув головой в сторону телевизора. – Слушай, а я ведь тоже в ралли этом вполне бы смог участвовать. Машина у меня – зверь! По барханам ездит. Только я не дурак, гробить ее не собираюсь. Охота была в пески лезть.

– Да, ты бы смог участвовать в гонках! – согласилась Дина.

«...к счастью, роуд-бук хороший, и мы со штурманом не мучаемся с навигацией. Но в бездорожье постоянно трясет, и все время боишься влететь в промоину. Едва ли на «Дакаре» в прошлом году были специальные участки, на прохождение которых нам требовалось почти

шесть часов!» – болтал Раевский. Камеры гонщик не боялся, вел себя раскованно, и даже чересчур – вертелся, гримасничал, переключал шлем из руки в руку.

– У нас в больнице все с ума посходили из-за этого ралли, – рассеянно пробормотала Дина. – Даже лежачие на ноги вскочили! И все собираются смотреть на гонщиков. Там, говорят, и грузовики будут, и мотоциклы, и просто автомобили... Да, а что такое «Дакар», про который все говорят? – спросила она мужа.

– Тоже ралли, – коротко ответил муж. – Ралли Париж – Дакар. По пескам вроде...

Дина продолжала глядеть на экран, очень мало понимая смысл того, о чем говорил этот смешной патлатый гонщик по фамилии Раевский.

– Дин, не зевай! Шашлык же...

– А... да, спасибо! – очнулась Дина и придвинула к себе тарелку.

– Вина? Ты только не напейся, как в прошлый раз...

– Русла-ан!

– Да я шучу, шучу...

Темнело, на веранде зажглись фонари. Ветер, посвежевший к вечеру, трепал марлевые полотнища, спускавшиеся с навеса.

Руслан выглядел оживленным, счастливым – верно, и на него подействовало то бодрое оживление, что царило вокруг.

– Слушай, даже как будто морем пахнет... – втянул он воздух. – Чувствуешь?

От избытка чувств муж сжал ее ладонь в своей чуть сильнее обычного.

– Ой... – сморщилась Дина. – Пальцы же... Руслан, ну сколько раз я тебя просила! Осторожнее... – вырвалось у нее. Дина с большим трепетом относилась к своим пальцам – видимо, надежда стать великой скрипачкой все еще продолжала ею владеть.

Но улыбка постепенно стала сползать с лица Руслана – тот прекрасно знал о мечтах Дины, и они его раздражали. А ее вопли: «Пальцы, мои пальцы!» – каждый раз приводили мужа в бешенство. «Что же я делаю?! Зачем лишний раз дразню?..» – спохватилась Дина, решив не обращать внимания на боль. И постаралась продолжить как ни в чем не бывало:

– Море... Я бы хотела поехать на море. Знаешь, я обожаю море... Реки, озера, океаны. Вообще, воду – люблю!

Руслан помолчал. Потом заговорил спокойно, тоже как ни в чем не бывало:

– А что? Отличная мысль. Махнем в сентябре в Крым? У меня там приятель по академии, обещал устроить. Начальство отпуск даст...

– Ой, как здорово! – от радости Дина даже подскочила на стуле, моментально забыв обо всем.

Руслан тем временем принялся неторопливо рассказывать о приятеле, о том, как они устроятся там, в Крыму, но Дина его почти не слушала, постепенно погружаясь в состояние эйфории.

Крым... Нет, они каждый год выбирались с мужем куда-то, в Египте были пару раз... Но что Египет! И тут пустыня, и там пустыня... А в Крыму – цветы! Олеандры, магнолии...

А Таисия – просто завидует. Да, да, завидует – черной завистью причем. И сказать-то ей нечего было, просто так туману навела!

Руслан – самый лучший.

И Батя тоже прав – впервые после смерти Марьяши ее стало отпускать. Она жива, она молода, она еще красива. И она заставит мужа передумать.

У них будет еще ребенок.

Дина, блаженно улыбаясь, слушала мужа и кивала, кивала...

* * *

Никита Раевский родился в Ярославле. Ему было года два, когда отец подарил ему велосипед – трехколесный еще, конечно. Никита лихо гонял на этом велосипеде – по квартире, по двору, в деревне у бабки. Конечно, падал, преодолевая всевозможные препятствия, расшибался, но подобные мелочи не могли его отвратить от увлечения.

Чуть позже появился другой велосипед, двухколесный уже, потом еще... Потом мопед, на котором Никита гонял по окрестностям деревни во время летних каникул... Потом – настоящий мотоцикл!

Каникулы – чудесное время. Свобода, скорость. Восхищение девчонок, зависть парней, само собой.

У бабушки Ани – чудесный яблоневый сад, много цветов, работой по хозяйству она любимого внука не загружала, только воду вовремя из колодца просила приносить.

Раздолье пацану! Была бы воля Никиты – он бы вообще ничего не делал – не ел, не пил, не учился... Только бы гонял!

О его бесстрашии ходили легенды. Сколько раз перепрыгивал на своем мотоцикле через овраг!

– Ох, смотри, Никитка, расшибешь ты себе голову... – вздыхала иногда бабка, до безумия любящая своего единственного внука. – Уж не торопился бы так! Потихонечку, помедленней...

– Бабань, но если медленно – неинтересно!

Девчонки Никиту обожали. Лена, Маша, Зина... Их всегда было много вокруг Никиты. Ну как же – такой отчаянный! Веселый, кого угодно мог заболтать. И катал всегда и всех на своем мотоцикле.

После школы Никита уехал в Москву, поступил в МАДИ, на кафедру автомобильного спорта. А куда ж еще ему было поступать!

На последних курсах стал участвовать в гонках. Первая «настоящая» победа – завоевал Кубок национального олимпийского комитета по джип-триалу. Затем – Кубок России по ралли-рейдам. После того стал готовиться к международным гонкам вместе со своим штурманом Лехой Лиховецким.

Легендарный марафон «Дакар». Никита показал там один из лучших результатов среди российской команды, и его экипаж вошел в двадцатку сильнейших.

Гонки по пустыне – самое сложное и вместе с тем самое интересное испытание.

Согласившись на участие в ралли «Бархатный путь», Никита не сомневался, что придет к финишу одним из первых. Правда, в первые дни ралли его ожидания не оправдались. Но ничего, впереди – пустыня, а там он, Раевский, – царь!

...Раннее утро. Кабина джипа. Раевский – за рулем, Лиховецкий сверяется с навигатором.

– Никита, через тридцать километров контрольная точка... – сообщил штурман Леха. – Медленно. Слева сразу после быстрой прямой с холмом на конце. Так...

Джип покачивало на барханах.

– Никита, левый четыре... Половина после возвышения!

Разговор штурмана с пилотом – общение на профессиональном языке. Никита понимал своего штурмана, закадычного друга, с полуслова.

– Никита, вижу Ярцева сзади... Никита, газ!

– Леха, он далеко?

Пауза.

– Оторвались... Никита, через пару километров контрольная точка.

– Что там?

– Серхет. Будем отдыхать. Так, правый четыре!

Крутя руль, Никита был сосредоточен только на одном – как быстрее и правильнее добраться до конца пути.

Впереди из дымного марева уже показались какие-то строения. Мираж? Нет, похоже, Серхет тот самый...

– Давай, еще немного!

– Леха, Ярцев где?

– Ярцева не вижу, Дефо нас точно обошел... Никита! Левый два... В сторону!!!

– Блин... – одними губами прошептал Никита, краем глаза заметив метнущуюся неподалеку фигуру.

Обычно ралли проходили вдали от оживленных трасс, да и организаторы делали так, чтобы ничего не мешало гонкам и чтобы зрители находились в безопасности.

Но человек предполагает, а бог располагает – как ни старались организаторы, иногда в истории раллийных гонок случались печальные инциденты. Например, шесть человек – три участника и три местных жителя – погибли в аварии во время ралли 1988 года. В Мали была сбита гонщиком 10-летняя девочка, переходившая дорогу. В 2005 году под колесами грузовика службы поддержки погибла 5-летняя девочка – это произошло уже в Сенегале. В 2010 году погибла женщина, наблюдавшая за ралли «Дакар», – машина, принимавшая участие в гонке, свернула с курса и сбита зрительницу.

Все эти мысли в долю секунды промелькнули в мозгу Никиты Раевского, когда он краем глаза увидел мелькнувшую неподалеку человеческую фигуру. Любопытство порой сильнее страха смерти, соображений о безопасности... Вероятно, кто-то из местных жителей решил сунуться в самую гущу гонки, не понимая, что пилоты ведут свои машины на предельных скоростях.

Никита резко вывернул руль. Машину занесло. Впереди – каменная гряда. Джип взлетел в воздух, и Никита обнаружил, что под ним внизу – обрыв. Блестит на солнце каменистое дно.

Секунды полета, во время которых авто повернулось в воздухе.

Потом – удар, от которого окружающий пейзаж перед глазами разлетелся на множество осколков.

И наступила ночь...

* * *

Дина собиралась проснуться рано, чтобы вместе с Викой пойти смотреть на гонки, но... «Проспала!!!» Руслан дома не ночевал – он еще с вечера ушел в часть.

«Господи, раз в сто лет такое бывает, а я дрыхну...» – страшно расстроилась Дина. Быстро умылась, оделась, выскочила из дома. У дороги стояли мощные «КамАЗы», пышущие пылью и жаром, – подивилась на них, побежала дальше, на площадь. А там – настоящее столпотворение! Шум, гам, своя и чужая речь. Пилоты в комбинезонах, механики, телевизионщики, местные жители...

«Наверное, в Москве такая давка бывает! – проталкиваясь сквозь толпу, с ужасом и восторгом подумала Дина. – Сейчас найду Фиделя... Может, отпустит! Делать-то в больнице все равно нечего». Она еще надеялась поглазеть на прибытие мотоциклистов.

...Полутемные, прохладные, пахнущие лекарствами, хлоркой и нехитрой больничной едой коридоры. Увидела идущую навстречу мощную фигуру главврача в развевающемся белом халате:

– Фидель Рауфович, можно мне...

Она подбежала и осеклась – у Фиделя было такое странное лицо! Озадаченное и вместе с тем очень мрачное.

– Дина, на всякий случай – приготовьте операционную. Только что позвонили – везут раненых. Авария во время ралли.

– Да?!

Ничего удивительного в аварии не было – Дина накануне, когда сидели с мужем в ресторане, смотрела спортивный канал, и под конец вечера показали хронику всех возможных происшествий на трассах. Вот там были и разбитые грузовики, и автомобили всмятку, и окровавленные гонщики на носилках, и плачущие жены-матери...

Но чтобы эти события происходили прямо в *их* городе?.. В *их* больнице? Здесь и сейчас?!

Ни дорогого оборудования, ни полного комплекта персонала (хирург Курбатов выполнял и свои обязанности, и обязанности травматолога, и анестезиолога). Словом, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Операционной сестры и то не было в наличии, поскольку уволилась еще прошлой зимой!

– Дина, будете мне ассистировать.

– Я?! – Дина поперхнулась, но тут же взяла себя в руки. «А кто, если не я? Не Вика же...»

– Хорошо, Фидель Рауфович.

Минут через десять толпа под окнами зашумела еще сильнее.

– Привезли!

На носилках торопливо подняли по ступеням двоих, в разодранных, залитых кровью комбинезонах. В приемный покой ринулись люди с камерами.

– Куда, вам сюда нельзя! – Тетя Валя, нянечка, по указке главврача принялась всех выпроваживать.

...Дина привыкла, что в их городе умирают в основном от старости, от застарелых болезней, от алкоголизма и его последствий, иногда – от тех проблем, которые несла в себе близость Средней Азии... Впрочем, с эпидемиями, малярией, укусами насекомых и ползучих гадов здесь умели справляться, и если вовремя начинали лечение – жертв почти не было. («Почти... Ох, нет. Не думать! Не вспоминать!» – приказала себе Дина, в одну секунду подавив в себе мысли о дочери.)

Что еще? Да, аварии тоже иногда случались, когда какой-нибудь из жителей Серхета садился за руль пьяным... Правда, всегда обходилось малой кровью, не трагедии происходили, а скорее нелепые комедии.

Но сейчас – не просто автомобильная авария, а – ЧП на гонках международного класса. Особый, уникальный случай! Такого еще никогда не было за всю историю городской больницы.

Дина с ожесточением подумала: «Фидель Рауфович спасет этих ребят! Он отличный хирург...»

...Фидель тем временем быстро осмотрел пострадавших.

– У пациента пульса нет, дыхания нет, зрачки не реагируют... Сердцебиение не прослушивается. Множественные повреждения... Безнадежно. Скорее всего, умер от острой кровопотери где-то полчаса назад.

Сердце у Дины болезненно сжалось. Умер... Молодой парень, жить бы да жить!

– Фидель Рауфович, а... что с этим? – растерянно, с тоской спросила она.

Главврач осматривал второго пострадавшего.

– Что у нас тут... Дина, а вот этот парень, похоже, еще жив. Так... Хотя артериальное давление резко снижено, пульс замедлен... Зрачки расширены. Плохо дело, – недовольно произнес Фидель. – Дина, вколите ему два кубика адреналина и срочно осторожно освобождайте его от одежды.

Дина сделала укол пациенту и принялась ножницами разрезать на нем комбинезон. «Тоже ведь совсем молодой парень!» – с сожалением думала она.

Фидель по всем правилам провел осмотр пациента – голова, шея, грудь, живот, таз, позвоночник, конечности.

– Видимых повреждений нет. Похоже, черепно-мозговая травма, – сделал вывод Курбатов. – Дина, возьми его на рентген. Хотя хрен знает, толку в этом рентгене... Но что делать, томографа у нас все равно нет.

Давление у пациента продолжало падать.

– У парня гематома. Похоже, она быстро растет и сдавливает головной мозг, – после того как рентген пациенту был сделан, пришел к выводу Фидель.

– И что? – с надеждой спросила Дина. – Надо ее убрать?

– Не получится, – недовольно произнес хирург. – Артериальное давление низкое, сердце еще бьется только благодаря стимуляторам... Пациент в атонической коме! Операция невозможна. Не перенесет, – вынес тот окончательный вердикт.

– Да...

– Дина, я не нейрохирург. Нет, можно взяться, я думаю, справился бы, но при таких показателях... Не выживет!

– Доктор, мы вертолет вызвали! – крикнули из коридора. – Через три-четыре часа прибудет, ребят в районный центр перевезут. Как, продержатся они до того времени?

– Нет, – отрывисто крикнул через плечо Курбатов. – Одного мы точно потеряли, второй безнадежен...

За дверями кто-то ахнул, потом повисла пауза.

Дина зажмурилась, потом снова открыла глаза. Посмотрела на второго, еще живого пилота, едва прикрытого простыней, на его бледное лицо с заострившимся длинным носом, на разметавшиеся по подушке длинные, вьющиеся волосы цвета соломы. И мысленно ахнула: так это же тот, вчерашний! Который интервью давал по телевизору... Как его? Никита. Никита Раевский. Эти волосы, нос... Дина сначала пилота не узнала (до того ли, физиогномикой заниматься?), но теперь даже не сомневалась – это он. Тот парень.

– И что теперь? – спросила она Фиделя.

– А ничего. Бесполезно, – не отводя глаз, мрачно ответил доктор. – Что толку в этом вертолете... Даже если прибудут вовремя – не успеют парня к нейрохирургам доставить – перелета не перенесет. Гематома растет слишком быстро.

– А если сделать сейчас операцию?

– Я говорю – не выживет.

– Фидель Рауфович, вы же гений! – взмолилась Дина. – У вас все получится!

– Дина, потом же с меня семь шкур и спустят, что я не своим делом занялся! – с раздражением возразил Курбатов. – Оно мне надо?... Я знаю, что говорю. Чудес не бывает!

– Фидель Рауфович... Я в вас верю! – Дина коснулась его плеча.

– А толку... Ладно, черт с вами! – сквозь зубы произнес Курбатов. – Брейте ему башку. Через десять минут начну делать операцию.

Хирург вышел из палаты, и Дина осталась с Раевским один на один.

Она взяла в руки машинку для стрижки – старую, склеенную скотчем (роняли уже) – и принялась осторожно срезать волосы с головы пилота – прядь за прядью. Машинка жужжала надрывно, то и дело буксуя в густых волосах парня – капризничала, не желала выполнять свою работу. Но Дина была терпелива...

Через десять минут Раевский оказался уже выбрит налысо.

Он лежал на столе с обнаженной, ставшей вдруг беззащитной на вид головой. Только несколько ссадин и синяков напоминали о том, что Раевский пострадал в аварии.

– Жалко, конечно, такой шевелюры лишиться... – пробормотала Дина. – Но ты не переживай, волосы не зубы – отрастут еще. И вообще, мужчинам даже идет, когда совсем без волос...

Дина прекрасно понимала, что Раевский находится сейчас в коме, но она все равно с ним говорила. «Но он же жив еще... Возможно, он меня все-таки слышит!»

* * *

Никита открыл глаза. Солнце... Много солнца!

– Леха, ты как? – шурясь от яркого света, подал он голос.

– Хреново, – отозвался Леха. – «Ласточка» наша всмятку. Давай руку, помогу.

Между собой штурман и пилот называли свой джип «Ласточкой».

Никита повернул голову, протянул штурману руку – тот буквально выдернул его из поко-
реженной машины.

От машины осталась только куча металлолома. Насвистывая, штурман принялся бродить
вокруг нее, пиная ногой камень. «Переживает из-за «Ласточки», злится...» – догадался Раев-
ский.

Никита задрал голову, посмотрел на обрыв, с которого они слетели. Высоковато...

– А где все наши?

– Без понятия... – пожал плечами Леха. – Рация не работает. Навигатор сигнал не
ловит... Куда идти, не знаю.

– Тоже мне, штурман! – подначил его Никита. – Тут же вроде город какой-то рядом был,
совсем близко?

Они огляделись.

– Кажется, в той стороне дома видел, когда ехали! – вспомнил Никита. – Пошли!

– Ножками, что ли? – фыркнул Леха. – А если нас искать будут?

– Да мы быстрее до города дойдем, чем нас найдут!

– Ладно, пошли, – подумав, согласился напарник.

– Тогда вперед. Не то мы тут, как сливочное масло на сковородке, растаем... – Никита
вдруг вспомнил из истории гонок – в 1982 году сын Маргарет Тэтчер, премьер-министра Вели-
кобритании, Марк Тэтчер тоже попал в переделку. В Алжире, что ли? Шесть дней его искали
на вертолете... Нашли. Но то сын премьера был... Станут ли их, простых российских гонщи-
ков, искать столь же активно? Нет, уж лучше только на себя надеяться!

Некоторое время они шли молча.

Перед ними, в голубовато-сером прозрачном небе, висел неестественно-белый диск
солнца. От зноя дрожал воздух...

Песок струйками стекал из-под ног, и это живое, плавное, скользкое движение напо-
минало о воде. Но какая в пустыне вода! За одним барханом вырастал другой, затем третий...
Изредка попадались высохшие на солнце кустарники.

Во рту Никиты пересохло, глаза застилал пот.

– Леха, как ты думаешь, тот человек, что под колеса чуть не попал, – жив?

– Думаю, да. Мы ж его не нашли! Сбежал, поди, от страха... Я даже не понял, кто это
был – мужчина, женщина...

– Сбежал, – согласился Никита. – Мы все легко отделались. А машина... Ничего, будет
у нас новая машина, не первую разбиваем.

Некоторое время они шли молча, экономя силы.

– Слушай, Никита... Давно хотел спросить. Ты доволен своей жизнью? – недовольно,
словно нехотя, вдруг заговорил Леха.

– Что это, брат, тебя на философию потянуло... Ладно, отвечу. Доволен! Очень доволен.
И никакой другой жизни не хочу, – превозмогая усталость, решительно произнес Раевский.

– А мне так надоело, – со злостью признался Леха.

– Ты серьезно? – опешил Никита. Уж от кого, но от своего штурмана и друга он подобных
слов не ожидал.

– Абсолютно. Никакой жизни с этими гонками. Я дома два месяца от силы в год бываю.

Никита помолчал, глядя за горизонт, за бесконечную череду барханов. Потом произнес:
– Ты думаешь, жизнь – там? Нет... Жизнь – тут. Адреналин и скорость. Азарт. Желание победить! А там... Там болото. Там ты никогда не будешь первым.

– Я устал.

– Скоро отдохнем.

– Тьфу, с тобой и не поговоришь толком... – с досадой бросил Леха и неожиданно сел на песок в жидкой тени саксаула.

– Леха, пошли!

– Я устал.

– Ладно, передохнем, – согласился Никита и тоже опустился на горячий песок рядом с другом. Солнце медленно поднималось над горизонтом – полуденный зной обещал быть невыносимым. – Пять минут, а потом идем дальше...

* * *

Фидель Рауфович закончил операцию. Наложил последний шов, осторожно забинтовал голову пациенту.

– Ну вот, сделал что мог... – брюзгливо пробормотал Фидель себе под нос. Но глаза хирурга над марлевой повязкой, закрывавшей лицо, блестели довольно.

– Фидель Рауфович, я же знала, что у вас все получится! Вы гений! – с восторгом произнесла Дина, убирая инструменты. – Такая сложная операция, и вы справились...

В этот момент запищал монитор старенького аппарата, к которому был подключен пациент, сообщая, что жизненные показатели Раевского стремительно ухудшаются.

– Сглазили... – раздраженно вскрикнул хирург, глядя на монитор. – Сердечный ритм резко падает... Раньше времени стали радоваться. Дина, еще ему два кубика адреналина!

Дина вколола Раевскому адреналин, но состояние больного не улучшилось.

– Я же знал, он не перенесет операцию... – бесился Курбатов. – И нечего было братья! Дефибриллятор.

– Да, Фидель Рауфович. Внимание... Даю разряд.

Тело Раевского подпрыгнуло, но показания монитора были по-прежнему неутешительны.

– Дина! Увеличь мощность.

– Еще разряд...

– Нет. Еще. Все, отойди... – Курбатов корпусом оттолкнул медсестру и принялся делать Раевскому непрямой массаж сердца. Кусая губы под марлевой повязкой, Дина наблюдала за хирургом и молилась только об одном – чтобы этот парень, Никита Раевский, выжил.

За последний год, как уволилась операционная медсестра, Дине приходилось несколько раз ассистировать Курбатову. Грыжи, аппендициты, один случай гангрены... Но все было прекрасно, никто из пациентов во время операции не умер. И только сейчас Дина впервые столкнулась со смертью на операционном столе – вот так, лоб в лоб... Но все же обойдется?..

Курбатов продолжал непрямой массаж сердца.

– Еще адреналин... Теперь отойди, мешаешь.

Руки хирурга ритмично давили на грудную клетку пациента.

– Сколько там времени? – сквозь зубы спросил Курбатов.

– Одиннадцать тридцать пять.

– Все, я заканчиваю реанимационные мероприятия. Бесполезно. Дина, запишите. Время смерти пациента...

* * *

– Леха... Не спи, замерзнешь! – Никита толкнул штурмана локтем.
Раевский пытался шутить, хотя от полуденного жара уже ломило в висках.
– Чего тебе? – вяло отозвался Леха.
– Подними голову. Нет, не туда... Левее смотри...
Леха поморгал, щуря глаза, которые заливало соленым потом, и ахнул – левее, над горизонтом, дрожали в знойном мареве силуэты домов, и произнес с сомнением:
– Это мираж.
– Никакой это не мираж! Мы всего километр не дошли!
– Ты думаешь? – вздохнул штурман, поднялся на ноги.
Они зашагали по раскаленному песку.
– Слушай, так сколько раз было... Это все пустыня с нами шутки шутит! Искажает пространство, – болтал Никита. – А ты тут куксишься! Раньше времени сдался, Леха.
– Кажется, мы просто заплутали немного. Не в ту сторону изначально двинулись.
Энергичным шагом Никита, а за ним и штурман вошли в город. Город, пусть и маленький, выглядел настоящим оазисом в пустыне – росли деревья, на клумбах распускались яркие цветы, умиротворяюще журчал фонтан на большой, выложенной цветной плиткой площади. И даже солнце тут было не злым, не испепеляющим, а благодатным, мирным.
Друзья утолили жажду у фонтана, умылись и, посвежевшие, уселись на кованую лавку в тени абрикосового дерева.
– Хорошо тут, – довольно произнес Леха.
Брызги от фонтана мелкой взвесью летели в лицо, мятой прохладой ложились на кожу.
– Ага, – согласился Никита. Протянул руку и сорвал золотисто-розовый, с румяным бочком, ароматный абрикос, висевший над его головой. – Ммм, вкуснятина...
– Слушай, может, останемся? – предложил Леха. – Я всегда хотел жить в таком месте.
– Ты серьезно?
– Абсолютно. Я остаюсь.

* * *

...Глядя на монитор, Курбатов медлил. Он ждал, когда сердце Раевского окончательно замрет, чтобы сообщить Дине точное время смерти. Ни секундой позже, ни секундой раньше.
– Фидель Рауфович... – пробормотала Дина. – Может, еще получится его спасти?
– Нет. Дина... Мне очень жаль. Я с самого начала знал – этому парню вряд ли удастся выкарабкаться. С такими жизненными показателями... Конечно, так и вышло. Он не перенес операцию.
– Фидель Рауфович!
– Ты не операционная медсестра, Дина. Была бы ею – знала, что после определенного времени реанимационные мероприятия проводить бесполезно. Только силы тратить...
Дина не сомневалась в словах своего начальника – профессионала высокого уровня, великолепного хирурга, но смириться со смертью, которая происходила на ее глазах, она не могла. «Такой молодой парень, такой смешной, веселый... И – все?! Молодые не должны умирать!»
– Фидель Рауфович. Если вы продолжите его реанимировать, то я... Я на все готова, – тихо, серьезно произнесла Дина.
Глаза Курбатова над маской мгновенно затуманились, словно пленкой покрылись – как спелая слива. Он прекрасно понял Дину, о чем та говорит, что именно обещает.

Он повернулся к операционному столу и вновь принялся делать Раевскому не прямой массаж сердца.

– Дина, еще два кубика адреналина введите, – коротко бросил хирург.

Он методично давил на грудную клетку пациента. Потом приказал:

– Теперь дефибриллятор. Максимальный разряд.

Тело Раевского дернулось. Цифры на мониторе, почти сползшие до нуля, дрогнули, стали постепенно расти.

– Есть. Сердце работает, – как ни в чем не бывало холодно произнес Курбатов, глядя на монитор. – Он жив, Дина. Как ты и хотела. Это чудо.

– Это чудо... – повторила Дина, с досадой ощущая, что глаза ее заливают слезы. Она не только за Раевского сейчас боролась, она боролась с тем, что мучило ее все последние годы, с чем не могла примириться. Дина хотела победить смерть – и она смогла. «Смерти нет. Ее нет!»

О том, что предстоит расплачиваться с Курбатовым, женщина сейчас не думала. Наклонившись, она осторожно погладила Раевского по руке, взяла его ладонь – вялую, но живую, теплую. Толстое стальное кольцо на безымянном пальце... Поросль золотисто-рыжих волосков возле запястья. «Ведь эта рука могла превратиться в прах... – подумала Дина. – Теперь нет, теперь этого не случится!»

Хирург, стоя напротив, напряженно глядел на Дину.

– Фидель Рауфович, – заметив его взгляд, она вздрогнула. – Вы не думайте, я вас не обману. Если я обещала, то я свое обещание сдержу.

Фидель молчал, продолжая буравить ее взглядом.

Потом произнес какую-то фразу не по-русски, из которой Дина поняла только одно слово – «шайтан».

* * *

Столько лет она ускользала... Была недоступной – всегда. Ни единым жестом, ни единым взглядом не давала повода приблизиться к себе. Курбатов так и не смог привыкнуть к ее постоянному присутствию рядом. Дина была для хирурга чем-то вроде красной тряпки...

Это как же так! Работают вместе, а ничего между ними еще не было... А у нее, между прочим, ножки, у нее ручки, у нее талия, у нее милое личико и такие шелковистые, нежные на вид локоны, которые то и дело выбиваются из-под медицинской шапочки... Прикоснуться, овладеть, попробовать на вкус, понять, что она есть, эта молодая женщина по имени Дина, и – успокоиться наконец. Больше Курбатову и не надо было ничего, разрушать чужую или свою семью он не собирался.

Но делать первым какие-то шаги он не мог. Почему? Курбатов никогда не являлся трусом, скорее – осторожным. Все чувственное было развито в нем до предела, и он, словно зверь, угадывал, какой путь лучше, как быстрее и без лишних усилий добиться своей цели. Как он болезни своих пациентов чувствовал, так он чувствовал и женщин... И еще он ощущал, что от мужа Дины исходит реальная опасность. Руслан – серьезный хищник. Поэтому давить на Дину, принуждать ее к чему-либо – нельзя. Она тогда пожалуется мужу, а тот... Ладно, не убьет, но серьезно покалечит.

А вот если Дина сама (сама!) согласится на близость, тогда опасности нет. Тогда она сама будет всеми силами скрывать свою тайну от мужа.

Но Дина не делала никаких шагов навстречу Курбатову. А сегодня... Когда она дала свое обещание, у хирурга внутри все словно перевернулось, он пришел в дикий азарт и позволил себе быть непрофессионалом – пошел у Дины на поводу. Он ведь знал, что пилот не выживет, а все равно взялся его спасти. Но... пилот выжил! Это было чудо.

...К четырем часам дня прилетел вертолет из соседнего города, где располагался крупный медицинский центр. Но прибывшие медики не рискнули транспортировать Раевского – уж слишком тот был слаб, мог не вынести дороги. Больного решили оставить пока в больнице Серхета. Врачи похвалили Курбатова за отличную работу, потом толпой повалили к больнице телевизионщики, другие пилоты ралли.

Все жали хирургу руку, поздравляли его... Это была слава, к которой Фидель Рауфович не то чтобы привык, но воспринимал как должное. Да, он гений. Да, он неотразимый мужчина. И сегодня падет последний бастион – Дина.

...Раевский лежал в палате интенсивной терапии, подключенный к аппарату искусственной вентиляции легких. Пациент еще был без сознания. Курбатов бегло осмотрел его, затем повернулся к столу, за которым сидела Дина и читала какую-то книжку.

– Пора, да? – без всякого выражения произнесла женщина, глядя ему в глаза. – Где?

Курбатов хотел позвать ее в свой кабинет и даже приготовил какие-то дежурные слова, что-то вроде – «ты не пожалеешь, ты будешь довольна», но язык у него словно намертво присох к нёбу.

Неужели вот так, просто и быстро, в один момент, разрешится эта проблема, которая мучила его столько лет?...

Он не любил Дину. Он никого не любил. Но Дина ему нравилась, как и все прочие женщины... Она нравилась Курбатову внешне, и, кроме того, эта женщина была по-человечески ему мила. «Я к ней на «ты» с сегодняшнего дня... – подумал он. – Теперь она моя».

– Дина... Только честно. Ты ко мне что-то чувствуешь? – хриплым голосом спросил Курбатов. Никому и никогда он не задавал подобных глупых вопросов...

– Я вас очень уважаю.

– О господи... – он не выдержал и расхохотался. – Дина! Ты прелесть.

Она неловко улыбнулась.

– Я не понимаю... Тебе так понравился этот парень? – он кивнул назад, на Раевского. – Чего ты вдруг за него просить стала?

– Нет, – покачала головой Дина. – Как он мне мог понравиться, я же его не знаю совсем... Просто я подумала, что это несправедливо, когда умирают такими молодыми.

– Ты добрая. Ты настоящая сестра милосердия. И меня тебе тоже жалко, я знаю.

– Не жалко, но я вижу, что вы мучаетесь – из-за меня, Фидель Рауфович, – простодушно призналась та.

– Дитя. Какое ты дитя еще... – с раздражением, тоской пробормотал Курбатов. – Ой, как тошно мне... Ой, тошно!

Дина побледнела.

– Ну, чего испугалась? – топнул он ногой. – Отказываюсь от твоего обещания. Все. Ничего мне не надо!

Курбатов говорил это, преодолевая себя.

– Как?

– А вот так. Живи себе дальше верной супругой со своим головорезом...

– Ой... – она прижала ладони к щекам. – Послушайте, но это неправильно... Я же обещала!

– Забудь.

– Нет, нет... – Дина заметалась вдоль стены. – За все надо платить! Вы же сами сказали, что это чудо, и я знаю, что это чудо... Поэтому я *должна* заплатить, иначе не будет мне в жизни покоя!

– Дина. Дина, успокойся. Ты ничего никому не должна.

– Нет! Я вот что сделаю... – она остановилась, посмотрела на Курбатова в упор, исподлобья, мрачно. – Я вам перстень свой отдам – тот, с рубином. Решено.

* * *

...Вроде он задремал, сидя под абрикосовым деревом, умиротворенный журчанием фонтана. А потом Никита открыл глаза и с изумлением обнаружил, что находится все на том же месте, посреди барханов, рядом со своей «Ласточкой». Причем любимая машина выглядела как новенькая – словно и не было никакой аварии!

«Что произошло? Где Леха? – растерялся пилот. – И главное, мы же вроде выбрались отсюда, в город какой-то пришли...»

Он провел языком по губам, ощутил отдаленную, остаточную сладость абрикоса, который недавно съел. «Ничего не понимаю. Что происходит? – растерялся Раевский. – Наваждение!»

Он взобрался на ближайший бархан, огляделся. Вечерний свет озарял пустыню. И тишина... Эта потрясающая, жуткая и вместе с тем завораживающая тишина! Когда слышно, как под лапками бегущего паучка шуршит песок.

«Где я? Что со мной? Почему все это происходит со мной? Именно со мной?!» – растерянно подумал пилот.

Через некоторое время Раевский обнаружил, что солнце замерло, уткнувшись краем в горизонт. Вершины барханов бесстрастно сияли золотом, а между ними чернели провалы. Дневной зной отступил, но и ночной холод не приблизился.

Это был ноль, абсолютный ноль, сковавший пространство и время. И Никита наконец догадался, что застрял внутри этого ноля.

«Я вырвусь отсюда. Чего бы мне это ни стоило!» – подумал пилот. Сел в джип и надавил на газ...

* * *

Дина все-таки принесла ему свое замечательное кольцо с рубином.

– Вот, Фидель Рауфович, как обещала...

– Да что ты заладила – обещала, обещала! Возьму я твое кольцо. Я и заплачу за него – сколько надо, – легко согласился хирург.

– Нет, платить не надо, – нахмурившись, покачала головой Дина.

– Как скажешь. Я спорить не буду, мне же выгодней! – засмеялся он и положил в карман белого халата колечко.

Внутри у Курбатова словно все перегорело. Он, когда брился этим утром и глядел в зеркало, вдруг обнаружил, что постарел. Нет, до старика ему еще далеко, но он, оказывается, заматерелый, далеко уже не молодой дядька.

У него пузо, у него седые волосы...

Колечко с рубином хирург собирался подарить Вике. Но случилось вот что. Вика поймала его после обхода, оттащила в сторону и шепотом, то и дело шмыгая носом, призналась кое в чем. Оказывается, она со своим младшим братом отправилась вчера поглазеть на ралли. Отмахали довольно прилично от города, расположились на небольшой горке, еще перед рассветом.

– ...сидим мы там, ждем... Солнце восходит. Смотрим – едут! Одна машина проехала, другая... Но это далеко было. Только тучи песка, неинтересно. Я говорю Витьке, брату – давай поближе, а то ничего разглядеть нельзя! И мы пошли – туда, в сторону...

Молча Фидель Рауфович смотрел на Виду – он уже начал догадываться, что произошло потом.

– Это я виновата... – всхлипывая и вытирая лицо о предплечье, лепетала юная дуручка. – Сунулась в самую гущу... Одна из машин прямо на меня выскочила. Вильнула и – на горку,

где до того мы с Витькой сидели. И – шандарах вниз... Я от неожиданности совсем разум потеряла. Схватила Витьку, и мы деру оттуда... А ведь брата могли задавить, и меня тоже... И теперь один гонщик помер, а второй тоже не шибко живой. О-о-ей-ооо... Теперь меня посадят, да, Фидель Рауфович?

Хирург вздохнул.

«Вот дитя природы... И что с ней, с такой, делать?»

– Если будешь молчать, не посадят... – пробормотал он. – Ладно, иди себе, Вика.

Чужая тайна камнем легла на душу хирурга. Он не любил, когда его вмешивают в подобные истории, он не выносил, когда его отвлекают от главного занятия в его жизни – работы. Он не прокурор, не адвокат, не священник... Он – хирург. Его не должно интересовать что-либо, кроме операционного поля.

– Что теперь делать, Фидель Рауфович, миленький?.. – кривя лицо, шепотом рыдала Вика.

– Ничего не делай. Ты поняла? Никогда ничего не делай. Только то, что тебе умные люди говорят. Все, брысь отсюда...

Медсестра убежала. После подобного признания дарить кольцо этой дурочке – по меньшей мере странно. Дарить кольцо, которое стало символом жизни Раевского. По сути – платить его убийце... Нет. Нет. Не стоит, хотя эта Вика такая юная и такая уступчивая...

* * *

Таисия Георгиевна вернулась с рынка и принялась готовить обед. Женщина считала своей святой обязанностью накормить мужа.

Таисия Георгиевна была великолепной хозяйкой. В ее доме всегда царили чистота и порядок. И сам дом – двухэтажный особняк – являлся лучшим в городе.

И вообще, у нее все в жизни было хорошо. Самый лучший дом, самый лучший муж, самый лучший сын, умница-мальчик, который сейчас учился за границей.

...Она приготовила плов, накрыла стол, дожидаясь мужа. Но тут позвонил Фидель и сказал, что много работы и он не придет днем.

– Тебе принести обед в больницу? – с готовностью отозвалась Таисия Георгиевна.

– Тася, нет. Не до того...

– Ты же голодным останешься! – ужаснулась женщина.

– Перехвачу какой-нибудь бутерброд. Тася, не надо ко мне с кастрюлями тащиться, я и правда занят! – с раздражением произнес муж и бросил трубку.

Таисия Георгиевна обиделась. Она наложила себе полное блюдо плова и принялась методично его поглощать. Уже много лет еда являлась для нее мощным источником наслаждения. Она всегда хотела есть, и как только начинала – порой и остановиться не могла... Иногда вставала ночью и шла к холодильнику, мучимая нестерпимым голодом. О, эта сладость еды, эта приятная усталость жующих челюстей, это плавное и успокаивающее скольжение пережеванного комка по пищеводу...

Вот и в этот раз Таисия Георгиевна с трудом заставила себя остановиться. Отодвинула блюдо с пловом. Приготовила кофе и вышла на балкон, сверху прикрытый полотняным пологом – от солнца. Был тот самый час, когда зной достиг своего пика, город опустел.

Женщина медленно пила кофе, смакуя каждый глоток, глядела вниз, на выложенную камнем дорогу. Она слышала о том, что произошло накануне – во время ралли случилась авария. Один из гонщиков сразу погиб, а другого спас Фидель. Курбатова вчера вечером даже по телевизору показали, в новостях... По федеральному каналу! Правда, сюжет длился всего пару минут, но сам факт...

«И чего я на него обиделась? – упрекнула себя женщина. – Он и вправду занят!»

Все ее обиды на мужа заканчивались очень быстро.

Разве можно было сердиться на него – такого необыкновенного? Такого красивого, замечательного, умного, доброго, самого лучшего!

Мысли о Фиделе постоянно занимали Таисию Георгиевну. Она думала о нем с нежностью и восторгом. Вот говорят – с годами чувства стареют, ан нет! С годами Таисия Георгиевна еще больше полюбила мужа, она не мыслила себе жизни без него.

«Если он умрет – и я умру. Нет жизни без него, нет счастья!» Да что там говорить – Фиделя любили все. Бабы так прямо толпами за ним бегали...

Но Таисия Георгиевна гоняла их всех. Старалась быть рядом с мужем, часто заходила в больницу, где тот работал хирургом, встречала вечером...

Но – таковы все мужчины. Сколько Таисия Георгиевна жила, еще ни одного верного не встречала. У нее, слава богу, глаза на месте. Видела, замечала все, что вокруг творится. Мужчины не могут не изменять, уж такова их природа.

Поэтому второе наслаждение Таисии Георгиевны было – доносить до глупых баб, что их мужья им не верны. Пусть мучаются, пусть знают!

Поэтому Таисия Георгиевна никогда не ходила по городу просто так. Она наблюдала. Кто куда направляется, кто из какой двери выходит. Кто как обмолвился в разговоре... Она ловила чужие взгляды, она оценивала выражения лиц. Ведь по лицам окружающих можно прочесть, кто с кем спит, кто кого ненавидит.

Жить гораздо легче, если знаешь, что ты не одна такая. Это судьба *всех* женщин. Нет той, которой бы не изменили...

Таисия Георгиевна допила кофе, вернулась в дом, легла в своей комнате. У них с мужем были разные комнаты – чего тесниться-то, если целый дом в их распоряжении!

Перед тем как уснуть, женщина вспомнила, как они с мужем встречались еще до свадьбы. Девушкой Тася была тоненькой, с водопадом черных волос и очень страстной. Кажется, они круглые сутки только и делали, что занимались любовью. Именно в тот период Фидель принадлежал одной ей, юной Тасе.

Потом она забеременела, потом он, как честный человек на ней женился. Потом... Потом, в один прекрасный день, когда муж вернулся с работы, Тася что-то ощутила... Что-то странное, незнакомое – в его взгляде, в интонациях его голоса. Наверное, именно тогда, в тот день, Фидель в первый раз ей изменил. О, как больно, как невыносимо больно ей стало тогда... Но она сама ничего не могла изменить. Так и жила потом – любя и страдая.

Потом родился сын, хлопот полон рот, потом она стала поправляться... Как-то не получалось вернуть те, первые, полные огня отношения. А потом Тася привыкла к неверности супруга. Не смирилась, нет, но – привыкла.

...В дверь постучали. Таисия Георгиевна с трудом села, отбросила спутавшиеся волосы с лица.

– Тася, ты спишь? – с той стороны двери спросил супруг. – Ладно, потом...

– Фидель, заходи! – крикнула женщина, спустила ноги с кровати и торопливо нащарила ими тапочки.

Муж появился на пороге – и, как всегда, сердце Таисии дрогнуло от восторга, от радости. Она каждый раз испытывала это чувство, когда видела мужа после долгого отсутствия.

– Как дела? Никто сегодня не умер? – шутливо спросила она.

– Обошлось... Тася, хочу сделать тебе подарок.

– Да?..

– Вот, держи, – Фидель достал что-то из кармана, опустил ей на ладонь.

– Ой... Это ж тот самый! – На ладони Таисии Георгиевны лежал знакомый перстенок.

Таисия Георгиевна обожала «ювелирку» (это было третье ее наслаждение), и, к чести мужа,

тот всегда баловал ее драгоценными подношениями. – Она продала, да? Как ты ее уговорил? Ведь такая вредная медсестра...

В лице Фиделя ничего не изменилось, но взгляд как будто дрогнул. Таисии Георгиевне это не понравилось. Она, умевшая разгадывать любое движение губ, взмахи ресниц и мельчайшие модуляции голоса, в этот раз озадачилась. Фидель был явно чем-то разочарован. Он тосковал.

– Как ты ее уговорил? – нетерпеливо переспросила Таисия Георгиевна. – Хотя я догадываюсь...

– Перестань, Тася. Не придумывай. Дина сама отдала мне его.

– От-да-ла?

– Продала. Конечно, продала.

– За сколько?

– Ой, Тася, какая разница... – пожал плечами муж и вышел из комнаты.

«Сдам в растяжку... Но – камень чудесный! – размышляла женщина, рассматривая перстень. – А что там с этой Диной у Фиделя произошло? Вертихвостка, ей еще отплачутся мои слезы!» Таисия Георгиевна и в самом деле заплакала. «Он тебя не любит, – сказал злой голос внутри ее. – Он от тебя откупается. И чему ты радуешься, дурочка?! Золоту-рубинам?... Лучше б муж тебя поцеловал лишний раз! Лучше б он спал с тобой в одной кровати... Лучше б он желал тебя – как тогда, тридцать лет назад! Любовь – разве она не дороже твоего золота?»

Таисия Георгиевна совсем расстроилась. Плакала долго у себя в комнате. К вечеру успокоилась и, как всегда, опять с нежностью стала думать о муже. Конечно, она его простила, что бы там у него на стороне ни было...

Но зато она не простила себя. Как она могла потерять самое ценное, что было в ее жизни, – любовь своего Фиделя?

В этот вечер Таисия не стала ужинать. И не потому, что решила сесть на диету. Просто у нее аппетит пропал. Она впервые не хотела есть!

* * *

Дина никогда бы не пожелала расстаться со своим перстнем в здравом уме и твердой памяти. Это ведь была самая ценная вещь в ее жизни! Но она понимала, что просто так ничего не бывает. И невозможно уже казалось вежливо расшаркаться с Курбатовым, согласившись: «Ах, Фидель Рауфович, спасибо вам, что не воспользовались моей опрометчивостью!» – и тем самым исчерпать инцидент.

Позже, находясь почти неотлучно в палате интенсивной терапии и наблюдая за состоянием пилота, попавшего в аварию, Дина снова и снова вспоминала тот момент, когда она спорила с Курбатовым – жить или не жить Раевскому. Женщина пыталась понять, что же тогда произошло.

Это была как будто не она. Она, Дина, не стала бы спорить с начальником, человеком умным, знающим свое дело. Сказал – не перенесет пациент операции, значит, не перенесет. И это была не жестокость, не цинизм врачебный, а – знание законов медицины. Суровая реальность, которой так боятся истеричные романтики, любящие обвинить скопом всех докторов.

И Курбатов, тот, которого знала Дина, на слабо@@ тоже не поддался бы. А вот тогда взял и почему-то поддался! Словно два ангела, стоя за плечами умирающего, вступили между собой в ожесточенный спор – жить или не жить их подопечному. Один ангел был с черными крыльями, другой – с белыми. Ангел жизни и ангел смерти – воевали за человека по имени Никита Раевский.

Поэтому Дина и согласилась внести свой залог. Она платила за чудо. Да, перстень ей очень дорог, но разве человеческая жизнь не стоит того?

Сейчас, спустя дни, жизненные показатели Никиты Раевского были в норме, но он по-прежнему находился в коме. Отгремели фанфары Курбатову, тело штурмана Лиховецкого отправлено специальным рейсом куда-то в Ростов, где жили родственники погибшего, разъехались телевизионщики, умчались гонщики (ралли продолжалось, несмотря на случившуюся трагедию), и коматозник Раевский остался один на один с Диной.

Еще до того Дина узнала, что родных у пилота нет. То есть никто, кроме товарищей по команде, о Раевском не беспокоился. Да и товарищи сейчас были заняты гонкой... Конечно, они периодически звонили в больницу, узнать о состоянии друга, но в данный момент только Дина находилась рядом с Раевским.

Дине было страшно. Она по горячности своей выторговала жизнь пилоту, но что это была за жизнь? Сколько еще лежать Раевскому овощем – с катетером, в подгузниках? Неизвестно. Даже Курбатов остерегался делать точные прогнозы.

– Уж лучше помер бы, чем так-то вот... – обронила как-то тетя Валя, нянечка, замещавшая Дину по ночам.

Дина обмывала пилота, меняла капельницы, поворачивала того с боку на бок – чтобы пролежни не образовались.

Она читала вслух детективы, которые приносила с собой из дома, включала радио. Она иногда говорила с Раевским.

– Ты меня слышишь? Пожалуйста, отзовись, – серьезно просила она. – Сколько можно вот так валяться! Ты же мужик... Вставай, Никита!

О своих переживаниях Дина ничего не говорила Руслану. Муж ее был очень ревнив, он и к мертвому мог приревновать! Хотя чего тут ревновать... Дина же не была влюблена в этого несчастного, за которым теперь ухаживала, точно за младенцем.

Но она определенно к нему привязалась. Она знала Никиту Раевского уже три недели, а он о ней не знал ничего.

...Ночью опять кто-то постучал к ним в дом. Руслан велел Дине не выходить из комнаты, сам куда-то ушел с полночными гостями. Кто там приходил, чего тем людям было надо – Дина не стала спрашивать. Муж не посвящал ее в свои дела.

Под утро он вернулся – бодрый, разгоряченный... Голодный и жадный – в том самом смысле. Как будто произошло что-то важное, особенное. Хорошее. И что требовало немедленной физической разрядки.

Дина хотела спать. Вернее, она ничего не хотела. Но оттолкнуть мужа не посмела – Руслан мог обидеться. А обижался он мгновенно. Мог потом припоминать долго и отчитывал зло, жестоко, методично... Нет, лучше уж подчиниться!

...Оторвавшись с трудом от Дины, Руслан опять убежал – на этот раз сказал, что в часть торопится.

Дина же отправилась в больницу. Вот уже три недели она каждое утро выходила из дома со странным чувством – а вдруг Раевский очнулся? Первым делом женщина побежала в палату интенсивной терапии.

– Как он, тетя Валь? – спросила она санитарку.

– Да что с ним будет... – зевнула та. – Авось не сбежал, и то хорошо.

Дина посмотрела на Раевского – трубка изо рта торчит, весь в проводах, голова забинтована, глаза закрыты... Не сказав ни слова, Дина с досадой махнула рукой и отправилась к другим пациентам. Утром у больничной медсестры всегда много дел – градусники надо было раздать-собрать, потом уколы сделать...

В двенадцатом часу Дина снова направилась к палате интенсивной терапии, но в коридоре ее окликнули:

– Дина!

Она оглянулась и увидела Лилю с дочкой. Лиля, в коротком белом платье в горошек, с убранными вверх рыжими волосами, лаковой сумочкой через локоть, выглядела на редкость очаровательно и задорно. За руку Лиля держала свою дочку – Ариадну. Малышке было года три. Тоже в коротком кружевном платьице, волосы убраны вверх, как у матери (но у девочки они были светлее – не медно-рыжие, а золотисто-оранжевые). Настоящая куколка!

Дина загляделась на девочку, на ее круглое личико с ямочкой на подбородке, на пухлые ручки, на вьющиеся кудряшки, которые выбились из прически и лежали оранжевыми лепестками на гладкой, молочно-белой шейке... Да, и Ариадна тоже держала в руках крошечную сумочку – как у мамы!

Дина вдруг представила, как она наряжала бы Марьяшу. Ее девочка тоже выглядела бы очаровательной куколкой. Платьица, туфельки, сумочки. Заколки-бантики в волосах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.